

М. В. ШКАРОВСКИЙ

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

в годы Второй мировой войны

Михаил Шкаровский

**Православные церкви Юго-
Восточной Европы в годы
Второй мировой войны**

Торговый Дом "Познание"

2019

УДК 281.9
ББК 86.2

Шкаровский М. В.

Православные церкви Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны / М. В. Шкаровский — Торговый Дом "Познание", 2019

ISBN 978-5-906960-64-1

Предлагаемое издание посвящено богатой и драматичной истории Православных Церквей Юго-Востока Европы в годы Второй мировой войны. Этот период стал не только очень важным, но и наименее исследованным в истории, когда с одной стороны возникали новые неканоничные Православные Церкви (Хорватская, Венгерская), а с другой — некоторые традиционные (Сербская, Элладская) подвергались жестоким преследованиям. При этом ряд Поместных Церквей оказывали не только духовное, но и политическое влияние, существенным образом воздействуя на ситуацию в своих странах (Болгария, Греция и др.). В сложной военной ситуации значительное место занимали отношения Православных Церквей Юго-Восточной Европы с Русской Церковью, которым в работе уделено особое внимание. В некоторых странах русская церковная эмиграция в военный период сыграла определяющую роль в развитии православия (Чехия, Словакия, Венгрия, Италия). Монография базируется на богатых архивных источниках, в частности материалах немецких, болгарских, сербских, греческих, американских, российских и других архивов. Книга предназначена для историков, религиоведов, преподавателей и учащихся духовных учебных заведений, а также для всех читателей, интересующихся историей христианства. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 281.9

ББК 86.2

ISBN 978-5-906960-64-1

© Шкаровский М. В., 2019
© Торговый Дом "Познание", 2019

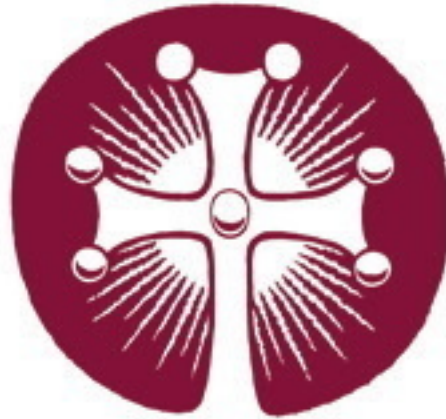
Содержание

Предисловие	7
Глава I	19
1. Константинопольский Патриархат	19
2. Элладская Православная Церковь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Шкаровский

Православные Церкви Юго-Восточной Европы в годы Второй мировой войны

Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

ПОЗНАНИЕ

© Шкаровский М.В., текст, 2019

© АНО «ЦЕНТР-ПОЗНАНИЕ» (Издательский дом «Познание»), оформление, 2019

Предисловие

Почти восемьдесят лет прошло со времени начала Второй мировой войны, но изучение ее истории по-прежнему остается актуальным. Многие темы, несмотря на очевидную научную значимость, до сих пор не подвергались глубокому исследованию. Предлагаемая читателю монография освещает малоизвестные или вообще неизвестные ранее страницы истории Православных Церквей Юго-Востока Европы в годы Второй мировой войны. Этот период стал не только очень важным в их истории, когда с одной стороны возникали новые неканонические Православные Церкви (Хорватская, Венгерская), а с другой – некоторые традиционные (Сербская, Элладская) подвергались жестоким преследованиям. При этом ряд Поместных Церквей оказывал не только духовное, но и политическое влияние, существенным образом воздействуя на ситуацию в своих странах (Болгария, Греция и др.).

Хронологические рамки исследования в основном охватывают время с сентября 1939 по май 1945 гг., но в отдельных случаях освещалась история Православных Церквей Юго-Востока Европы и русской церковной эмиграции в 1920-1930-е гг., а также последствия Второй мировой войны в первые послевоенные годы для различных Поместных Православных Церквей. Территориально работа ограничена главным образом Балканским полуостровом – историческим ядром православия, где православное население преобладает и в наши дни. В публицистике Балканы справедливо получили наименование «пороховой бочки Европы». В этом взрывоопасном регионе, где в XX в. зарождалось и бушевало большое количество войн, в 1920-е – 1945 гг. проживала значительная часть русской церковной эмиграции и находились руководящие органы Русской Православной Церкви Заграницей.

В ряде случаев исследование выходит за пределы Балкан. Исторически и политически Венгрия и Румыния относятся к Юго-Восточной Европе, на их территории существовали сербские общины, и история православия в этих странах имела балканскую специфику. Кроме того, в главе, посвященной церковной жизни на оккупированной итальянскими войсками территории Балкан, автору показалось целесообразным осветить историю русских общин в Италии.

Значительное внимание в монографии уделено деятельности Русской Православной Церкви в странах Юго-Восточной Европы в 1939–1945 гг. Годы Второй мировой войны представляли собой уникальный период, когда русское духовенство играло значительную роль в религиозной жизни Восточной Европы. Оно было образованнее, активнее, креативнее, чем местные православные священнослужители, и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало возрождению монашества, созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т. д.

Некоторые страны Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны обрели независимость или значительно расширили свои территории, поэтому многое в их внутреннем устройстве, в том числе в церковной жизни, пришлось создавать заново, и в данном деле русские священнослужители смогли ярко проявить себя. Этому способствовала историческая вековая традиция воспринимать Церковь могущественной Российской империи (хотя уже и не существующей после 1917 г.) как ведущую в православном мире.

В ряде неправославных по основному составу населения стран (где отсутствовали местные устойчивые православные традиции) русские священнослужители даже играли заметную роль в попытках создания новых Православных Церквей: в Венгрии, Хорватии, Албании, Чехословакии. Далеко не везде эти попытки (имеющие политический подтекст) увенчались успехом, однако они, так или иначе, способствовали укреплению православной традиции.

Первые православные русские храмы появились в Юго-Восточной Европе в начале XIX в. Однако численность их прихожан оставалась небольшой. Ситуация изменилась после Октябрьской революции 1917 г. и окончания Гражданской войны в России. Пределы страны

покинуло около 2 млн представителей белой эмиграции, не смирившихся с победой советской власти. Из них более 200 тыс. к началу 1920-х гг. поселились в странах Балканского полуострова, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии). Такое количество эмигрантов способствовало значительной активизации русской церковной жизни.

Как существовавшие ранее, так и появившиеся после 1917 г. православные общины не имели единого управления и принадлежали к трем юрисдикциям, к началу 1930-х гг. возникшим на основе прежде единой Русской Церкви: Московский Патриархат, Русская Православная Церковь Заграницей с центром в югославском городе Сремские Карловцы (карловчане) и Временный экзархат Вселенского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавлял митрополит Евлогий (по имени главы – евлогиане). Правда, общин Московского Патриархата в Юго-Восточной Европе к началу Второй мировой войны практически не осталось, немного было и евлогианских приходов. Подавляющее большинство священнослужителей и мирян принадлежали к Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Эта Церковь хотя и была относительно небольшой по численности, однако обладала значительным авторитетом и поэтому играла заметную роль в определении общей церковной ситуации на Юго-Востоке Европы. Паства РПЦЗ проживала в Болгарии, Румынии, Греции, Венгрии, Турции и даже в Албании, но в основном в Югославии. На территории этого государства в начале 1920-х гг. поселилось до 120 тыс. русских эмигрантов (правда, затем их число существенно сократилось). Они построили шесть церквей и часовен, создали более 10 приходов, многочисленные духовные братства. Монахи из России проживали во многих сербских монастырях и, кроме того, образовали еще два самостоятельных – мужской в Мильково и женский в Хопово. На богословском факультете Белградского университета преподавали несколько русских профессоров и обучались десятки русских студентов. В г. Сремски Карловцы (с 1941 г. – в Белграде) находился руководящий орган РПЦЗ – Архиерейский Синод во главе с председателем митрополитом Анастасием (Грибановским)¹.

Уже через пару лет после прихода нацистов к власти в Германии – в конце 1935 – начале 1936 г. Юго-Восточная Европа оказалась в поле зрения их внешней политики. Расположенные в этом регионе государства населяли в основном православные народы – сербы, черногорцы, македонцы, болгары, румыны, греки и т. д. Национальные Православные Церкви традиционно играли большую роль в жизни балканских стран, и Германский МИД в 1936–1945 гг. постоянно пытался различными способами включить их в сферу влияния Третьего рейха. Все десять лет этот фактор оказывал заметное влияние и на нацистскую политику в отношении Русской Православной Церкви.

Следует подчеркнуть важность балканского региона для Третьего рейха. Несомненное значение имел тот факт, что Болгария и Румыния стали союзниками Германии во Второй мировой войне. Особенно большое внимание нацистские ведомства принялись уделять церковной политике на Балканах с 1941 г. – после оккупации Югославии и Греции и начала войны с СССР. Немецкая церковная политика в Юго-Восточной Европе с этого времени была в основном направлена на раздробление единства Православных Церквей и установление своего контроля над ними. При этом ведомства Третьего рейха не терпели конкуренции и в частности активно противодействовали попыткам правительства Венгрии создать в 1941–1943 гг. свою автокефальную Венгерскую Православную Церковь.

Часть Православных Церквей Юго-Восточной Европы в первые годы войны находилась под влиянием Германии, однако в отношении большинства из них (Сербской, Константинопольской, Элладской, Болгарской Церквей) она в конечном итоге потерпела неудачу. В частности, Константинопольская Патриархия в годы Второй мировой войны в целом сумела проти-

¹ Bundesarchiv Berlin (BA), 62Di 1/85. Bl. 52; Григориевич Б. Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 11–113.

востоять немецкому влиянию. Патриарх Вениамин I признал выборы Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского), и к концу войны связи Константинопольской и Русской Церквей не только возобновились, но и существенно укрепились.

Даже Православная Церковь союзной Третьему рейху Болгарии противостояла германскому влиянию: она оказала помощь в возрождении церковной жизни на оккупированной территории СССР, помешала выдаче евреев и признала в 1943 г. выборы Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия. В целом развитие церковной жизни Болгарии в первой половине XX в. проходило очень драматично и характеризовалось целым рядом заметных потрясений, конфликтов и преобразований: значительным сокращением территории Болгарского экзархата в результате поражений страны в ходе Второй Балканской и Первой мировой войн, конфликтами с правительством и безуспешными попытками преодолеть схизму в 1920-1930-е гг., временным расширением экзархата в период Второй мировой войны и в то же время борьбой с прогерманской политикой правительства, наконец, отменой схизмы в 1945 г. Автору представляется, что ключевым периодом церковной истории Болгарии в первой половине XX в. были именно годы Второй мировой войны. Этот период для Болгарской Церкви был по-своему героической эпохой.

1941 г. явился рубежом и изменения германской политики по отношению к Русской Церкви в целом, что также проявилось на Балканах. Немецкие внешнеполитические ведомства считали, что Русская Православная Церковь Заграницей является активным проводником чуждой русской националистической и монархической идеологии и к тому же тесно связана с врагом Третьего рейха Сербским Патриархом Гавриилом. Еще более жесткую позицию по отношению к РПЦЗ занимали руководство нацистской партии, Главное управление имперской безопасности и Рейхсминистерство занятых восточных территорий. После начала войны с СССР их линия полностью возобладала и проявилась открыто и ярко. Почти во всех директивах второй половины 1941 г. о церковной политике на Востоке говорилось о категорическом недопущении священников из других стран на занятую территорию СССР. Поэтому Духовная Миссия Болгарской Церкви, а также русское духовенство из Болгарии, Югославии, Венгрии и т. д. не были допущены в Россию и на Украину.

Архиерейский Синод РПЦЗ с лета 1941 г., избегая проявлять свое одобрение политики Третьего рейха, всячески старался использовать сложившуюся ситуацию для желаемого участия в церковном и национальном возрождении России. С этой целью он пошел на контакт с германскими ведомствами и относительно редко открыто критиковал те или иные их действия. Уже 26 июня, через четыре дня после начала войны и проведенного у него немцами обыска, митрополит Анастасий послал в Рейхсминистерства церковных дел письмо с просьбой исходатайствовать ему разрешения на проезд в Берлин. Владыка хотел обсудить с германскими ведомствами вопрос об удовлетворении духовных нужд на занятых русских территориях и организации там церковной власти, но получил отказ².

Высказал Архиерейский Синод и свои представления о создании церковного управления в занятых немцами областях России. Трижды он направлял предложения об организации такого управления германским ведомствам. Все эти послания остались без ответа³. Несмотря на разнообразные запреты, Русская Православная Церковь за границей пыталась, насколько было возможно, участвовать в церковном возрождении на территории СССР. Главным образом это проявлялось в помощи церковной литературой и утварью. Особенно активно подобная деятельность осуществлялась в 1942–1943 гг.⁴

² Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в Нью-Йорке (СА), д. 15/41, л. 2–5.

³ Там же. Л. 8–9, 27–32.

⁴ Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в Нью-Йорке (СА), Л. 17/41, л. 19–23.

Попытки создания Духовных Миссий для дальнейшей отправки в Россию предпринимались в Югославии, Венгрии, Болгарии и Франции. Правда, нацисты всячески препятствовали миссионерской деятельности Зарубежной Русской Церкви и практически не допустили ее представителей на территорию Советского Союза.

Православные священнослужители и миряне, главным образом сербы, подвергались жестокому преследованиям в созданном под эгидой Третьего рейха так называемом независимом государстве Хорватия. Под влиянием многочисленных международных протестов германский МИД, понимая, что дальнейшее невмешательство в кровавые акции усташей сильно подрывает престиж рейха в православном мире, был вынужден отреагировать. Немецкое посольство в Загребе в начале 1942 г. получило задание оказать давление на главу Хорватии – поглавника Анте Павелича. В результате он разрешил существование независимой от Сербской автокефальной Хорватской Православной Церкви⁵.

Ее создание предусматривалось законом от 3 апреля 1942 г. Но в первую очередь возникли сложности с выбором кандидатов на пост будущего главы Церкви. Все сербские епископы были к тому времени убиты или изгнаны из страны. В мае шантажируемый угрозой дальнейших преследований сербов, русский архиепископ Гермоген (Максимов) уступил сильнейшему давлению хорватских властей. 29 мая он встретился с Павеличем, и 5 июня 1942 г. поглавник подписал закон об основании Церкви, ее устав и назначил Гермогена Хорватским митрополитом с резиденцией в Загребе. Митрополит Анастасий категорически не признал образования неканонической Церкви и запретил владыку Гермогена в священнослужение. Давление германских властей с целью добиться отмены запрета оказалось безрезультатным.

Следует отметить существование заметных различий в немецкой и итальянской религиозной политике на оккупированных территориях Юго-Восточной Европы. Германские ведомства в принципе придерживались антицерковной позиции, поэтому в целом их религиозная политика была значительно более жесткой, иногда открыто враждебной. Однако из тактических соображений некоторые службы Третьего рейха, прежде всего Министерство иностранных дел и различные его представители, нередко поддерживали Православную Церковь против Католической, как более слабую сторону (в том числе в Хорватии). Итальянская администрация, наоборот, активно способствовала расширению влияния Католической Церкви, но при этом в целом вела себя более лояльно, чем немецкая, и в отношении других конфессий.

Неблагоприятные для Третьего рейха перемены в позиции Православных Церквей Юго-Восточной Европы на завершающем этапе войны в конце концов заставили германские ведомства внести некоторые коррективы в свое отношение к РПЦЗ. Проводившаяся с начала войны политика по возможности полной изоляции Архиерейского Синода в Белграде неукоснительно осуществлялась до сентября 1943 г. Все попытки членов Синода получить разрешение на встречу с архиереями оккупированных областей СССР или даже с епископами своей Церкви в других европейских странах оканчивались безрезультатно.

С осени 1943 г. под влиянием военной и внешнеполитической ситуации германские ведомства начали предпринимать безуспешные попытки использовать для воздействия на балканские Церкви архиереев оккупированных территорий СССР и РПЦЗ, при сохранении в основном прежнего недоверия и политики изоляции последней. Венская конференция иерархов Русской Православной Церкви Заграницей в октябре 1943 г. была в этом плане единственным крупным исключением (в сентябре 1944 г., ввиду приближения советских войск, Архиерейский Синод переехал из Белграда в Германию, переселившись позднее в США). Осенью 1943 г. германское влияние на Православные Церкви Юго-Восточной Европы было окончательно утрачено, и в этой сфере Третий рейх фактически потерпел поражение еще за год до своего военного разгрома на Балканах. К концу 1943 г. нацисты практически полностью про-

⁵ ВА, R 901/69301. Вл. 77–81.

играли СССР пропагандистскую войну в церковной области, что было особенно заметно на примере балканских стран. Так завершился «крестовый поход» под знаком свастики на Восток.

В одном из параграфов монографии описано окормление Русской Православной Церкви Заграницей в 1944–1945 гг. Казачьего стана в Северной Италии. До настоящего времени сохранились серьезные различия (во многом идущие из советского периода) в оценке подобных антикоммунистических формирований российской общественностью и русской эмиграцией. Русская Православная Церковь за границей никогда не скрывала своего позитивного отношения к казачьим частям; многие их бывшие военнослужащие погребены на русских церковных кладбищах в США, их памяти посвящены часовни, обелиски и памятники. Трагическая насильственная выдача казаков в июне 1945 г. в Лиенце англичанами органам НКВД до сих пор остается для части русской эмиграции одним из самых памятных событий Второй мировой войны, между тем она почти не известна в России. При этом представители Церкви не столько брали на себя духовное руководство борьбой антикоммунистических формирований, сколько выполняли миссию спасения душ: совершали требы, принимали исповеди, причащали, отпевали погибших.

Историография избранной темы не очень велика. Среди опубликованных трудов германских и американских ученых, частично посвященных германской и итальянской религиозной политике на оккупированной территории Восточной Европы, следует назвать монографию Х. Файерсайда⁶. Это серьезное исследование, хотя работа и страдает определенной узостью источниковой базы, следствием чего стали некоторые пробелы и неточности; кроме того, автор недостаточно разбирается в канонике и истории Православия. Национал-социалистической религиозной политики касался в своих трудах по истории Православных Церквей в XX в. канадский историк Д.В. Поспеловский⁷, но самостоятельных глубоких исследований по данным сюжетам он не проводил.

Много ценных фактов можно извлечь из обзорных работ по истории Югославии и ее отдельных регионов немецких историков Т. Бремера, К. Бухенау и Л. Штайндорфа⁸. Хорошую книгу по истории Русской Православной Церкви в Германии написала церковная исследовательница К. Геде⁹. Другой немецкий церковный историк Г. Зайде в своих трудах достаточно квалифицированно описал общую историю Русской Православной Церкви Заграницей, однако военный период у него отражен слишком кратко¹⁰.

Советскими историками деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны за пределами СССР, в том числе на Балканах, практически не изучалась. С 1990-х гг. в России стали появляться труды, рассматривающие те или иные аспекты избранной темы. Истории русской церковной эмиграции в Югославии посвящена небольшая, но интересная книга В.И. Косика¹¹. Нацистскую политику в отношении Русской Православной Церкви в Германии и на некоторых оккупированных немецкими войсками территориях достаточно серьезно исследовал московский историк

А.К. Никитин.¹² Значительный вклад в изучение истории Поместных Православных Церквей, в том числе в годы Второй мировой войны, внес преподаватель Московской духовной

⁶ *Fireside H.* Icon and Swastika: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control. Cambridge Mass., 1971.

⁷ *Pospelovskii D.* The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. New York, 1984; *Он же.* Русская православная церковь в XX в.е. М., 1995; *Он же.* Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003.

⁸ *Buchenau K.* Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek. Frankfurt am Main, 2006; *Bremer T.* Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien. Freiburg-Basel-Wien, 2003; *Steindorf L.* Kroatien. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 2001.

⁹ *Gäde K.* Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Köln, 1985.

¹⁰ *Seide G.* Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Wiesbaden, 1983; *Item.* Die Kloster der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1984; *Item.* Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der Deutschen Diözese. München, 2001.

¹¹ *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). М., 2000.

¹² *Никитин А.К.* Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933–1945). М., 1998.

академии К.Е. Скурат¹³. Отдельные использованные сюжеты рассматривались в работах А.А. Кострюкова¹⁴, А.В. Попова¹⁵, С.В. Болотова¹⁶, и протоиерея Владислава Цыпина¹⁷.

Основным автором, изучающим историю русских общин в Италии, Греции и Турции, является проживающий в настоящее время в Милане петербургский историк М.Г. Талалай. Он опубликовал несколько ценных работ, в том числе по истории приходов во Флоренции, Сан-Ремо, Бари, Афинах и русских обителей на Святой Горе Афон¹⁸. Русским монашеством Афона также занимался П. Троицкий¹⁹. Русскую церковную эмиграцию в Греции наиболее плодотворно изучала И.Л. Жалнина-Василькиоти, написавшая многочисленные статьи, а также книгу о выдающихся фигурах российской эмиграции в этой стране²⁰.

Важной работой является коллективный труд «Русские храмы и обители в Европе», составителями которого были петербургские ученые В.В. Антонов и А.В. Кобак²¹. Разделы этого труда, посвященные русским храмам в Турции и русским обителям Афона, написал М.Г. Талалай при небольшом участии

В.В. Антонова. Существенным вкладом в изучение биографий насельников русских афонских обителей стало изданное Свято-Пантелеимоновским монастырем (Руссиком) в 2012 г. коллективное исследование «Русский афонский отечник XIX–XX вв.». Значительный интерес представляют и другие тома выпущенной Руссиком 25-томной серии по истории монастыря. Некоторые сюжеты избранной темы монографии ранее уже освещались в работах автора нынешнего издания²².

К настоящему времени достаточно много сделано для изучения биографий русских зарубежных священнослужителей, хотя в этой области еще предстоит большая работа. Относительно полно освещены биографии архиереев Московского Патриархата, в том числе перешедших в его юрисдикцию из РПЦЗ, в труде протодиакона Александра Киреева²³. Митрополит Мануил (Лемешевский) также оставил после себя многотомный труд, охватывающий биографии всех православных епископов с 1893 по 1965 г. Еще раньше работу, содержащую подборку биографий русского православного епископата за 1941–1953 г., написал эмигрантский историк В.И. Алексеев²⁴.

¹³ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. В 2 частях. М., 1994; *Он же*. Исторический очерк Православной Церкви Чешских земель и Словакии // Богословский вестник Московской духовной академии и семинарии. 2003. № 3. С. 179–191.

¹⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011 и др.

¹⁵ Российское православное зарубежье: история и источники / Сост. А.В. Попов. М., 2005.

¹⁶ Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е гг. М., 2011.

¹⁷ Владислав Цыпин, прот. История Русской Церкви 1917–1997. История Русской Церкви. Кн. 9. М., 1997.

¹⁸ Талалай М.Г. Церковь Рождества Христова во Флоренции. Флоренция, 1993; *Он же*. Русская церковь в Сан-Ремо. Сан-Ремо, 1994; *Он же*. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002; *Он же*. Русский Афон. Путеводитель исторических очерков. М., 2003; *Он же*. Положение русского монашества на Афоне после 1912 г. // Россия и христианский Восток. М. 2004. С. 581–589; *Он же*. Русская община в Афинах // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98–101; *Он же*. Русские захоронения на военном кладбище Зейтинлик в Салониках. СПб., 1999; *Он же*. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М. – СПб., 2005. С. 124–131; *Он же*. Генеалогия Демидовых князей Сан-Донато (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3 / Сост. Н.Г. Демидова. М., 2003. С. 117–119; Владимир Кучумов, свящ.; Талалай М.Г. Православная русская церковь в Бари. Бари, 2001 и др.

¹⁹ Троицкий П. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002; *Он же*. Русские на Афоне. XIX–XX вв. М., 2003; *Он же*. История русских обителей Афона в XIX–XX вв. М., 2009.

²⁰ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX в. М., 2015.

²¹ Русские храмы и обители в Европе / Авт. – сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005.

²² Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002; *Он же*. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009 и др.

²³ Александр Киреев, протодиак. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2005 гг. М., 2005.

²⁴ Alexeev W. Russian orthodox bishops in Soviet Union, 1941–1953. New York. Research program on the USSR: Mimeographed series. № 61. 1954.

В 2000-е гг. вышли две работы, специально посвященные биографиям служивших за границей русских церковных деятелей: Антуана Нивьера и В.И. Косика²⁵. А.А. Корнилов также подготовил биографический словарь русского духовенства, окормлявшего так называемых перемещенных лиц из СССР после окончания Второй мировой войны²⁶.

При написании параграфов о деятельности Православных Церквей в Югославии, Болгарии, Венгрии, Греции, Турции, Румынии и на оккупированной итальянскими войсками территории Балканского полуострова активно использовались труды местных историков: греческих – А. Нанакиса, А.Д. Делимбасиса, А.А. Паллиса, Г. Псаллидиса; сербских – М. Йовановича, З. Петровича, Р. Радич, В. Джурича; болгарских – Д. Калканджиевой,

С. Елдьрова, К.А. Бойкикевой; хорватских – Ю. Кришто, П. Позара; турецкого ученого Т. Эргене и других. При всем различии и нередко значительной политизированности их позиций эти труды представляют значительную ценность вследствие использования большого комплекса документов государственных и церковных архивов балканских стран²⁷.

История такого уникального явления, как существование с августа 1944 по май 1945 г. в северо-восточной области Италии – Карнии (Фриули) Казачьего стана также уже привлекала внимание историков. Основные труды были написаны итальянскими исследователями: П. Карньером, Г. Вениром, П. Дьетто²⁸; некоторые сюжеты этой истории освещались и в работах российских, прежде всего эмигрантских авторов: П.Н. Донскова, В.Г. Науменко, А.К. Ленинова, Н.Д. Толстого, Ю.С. Цурганова и др.²⁹ Однако никто из них не изучал деятельность духовенства, игравшего заметную роль во многих сферах жизни Казачьего Стана.

Значительную ценность представляют опубликованные воспоминания и исследования непосредственных участников описываемых в монографии событий: архиепископа Нафанаила (Львова), правителя дел Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей епископа Григория (Граббе), архиепископа Виталия (Максименко), известного русского церковного деятеля и писателя В. Маевского, архиепископа Василия (Кривошеина), схиархимандрита Софрония (Сахарова), главы «независимого государства Хорватия» А. Павелича, секре-

²⁵ Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М. – Париж, 2007.

²⁶ Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Н. Новгород, 2002.

²⁷ Нанакис А. История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX в. Киев, 2010. С. 25–52; Delimbasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal, and Apostasy. Athens, 1985; Psallidas G. Ecclesiastical Policy of the Occupying Forces in Greece and the Reactions of the Greek Orthodox Church to Its Implementation (1941–1944) // Religion under Siege. II. Protestant, Orthodox and Muslim Communities in Occupied Europe (1939/1950). Leuven, 2007. P. 93–118; Jelic-Butic F. Ustase i Nezavisna Drzava Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1978; Djuric V. Ustase i pravoslavlje. Hrvatska pravoslavna crkva. Beograd, 1989; Ђурић В. Усташе и Православље. Хрватска Православна Црква. Београд, 1989; Kosovic B. Zrtve drugog svetskog rata u Jugoslavije. London, 1985; Zerjavic V Gubici stanovnistva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989; Batelja Ju. Crna knjiga o grozovitostima komunisticke vlada – vine u Hrvatskoj. Zagreb, 2000; Pozar P Hrvatska Pravoslavna Crkva u proslosti i buducnosti. Zagreb, 1996; Kristo Ju. Katolicka crkva i Nezavisna Drzava Hrvatska 1941–1945. Dokumenti. Zagreb, 1998; Kristo Ju. Sukob simbola. Politika, vjero i ideologije u Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj. Zagreb, 2001; Радич Р Држава и верске заједнице 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002; Петрович З. Монастыри Свете Горе. Приштина, 1994; Бойкикева К.А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005; Елдьров С. Православието на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София. 2004; Ergene Tistikli harbinde Trk ortadokslari (The Turkish Orthodox in the War of Independence). Istanbul, 1951.

²⁸ Carnier PA. Lo sterminio mancato. Udine, 1982; Item. L'armata cosacca in Italia, 1944–1945. Udine, 1993; Venir G. I cosacchi in Carnia 1944–45. Udine, 1995; Deotto P Stanitsa Terskaja. L'illusione cosacca di una terra (Verzegnis, ottobre 1944 – maggio 1945). Udine, 2005.

²⁹ Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Историческая повесть о второй войне казачества с большевиками (1941–1945): В 2 т. Нью-Йорк, 1960; Науменко В. Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник документов и материалов: В 2 т. Нью-Йорк, 1962, 1970; Ленивое А.К. Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг. Материалы и документы. Мюнхен, 1970; Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. М., 2001; Лиенц – Казачья Голгофа 1945–2005/Авт. – сост. Е.Я. Шипулина. Оттава, 2005.

таря Загребского митрополита Гермогена (Максимова) М. Оберкнежевича, военнослужащих Русского корпуса в Югославии и других³⁰.

Главным недостатком существующей историографии избранной темы является узость источниковой базы. Материалы как российских, так и прежде всего германских архивов использовались очень мало. Между тем предлагаемая читателю монография основана главным образом на архивных документах. Ее источниковую базу составляют материалы 17 государственных (четырёх российских, трёх немецких, двух американских, четырёх сербских, двух болгарских, одного хорватского и одного греческого), а также восьми церковных архивов.

Все соответствующие архивы можно разделить на две большие группы: государственные и церковные. Особый интерес среди российских государственных архивов в плане избранной темы представляет находящийся в Москве Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Здесь большинство документов по истории русской церковной эмиграции содержат обширные фонды Совета по делам религий (до 1965 г. Совета по делам Русской православной Церкви) (ф. Р-6991) и прежде всего, Архиерейского Синода Русской православной Церкви Заграницей (ф. Р-6343). Архив канцелярии Архиерейского Синода первоначально находился в Сремских Карловцах и в первые месяцы 1945 г. был вывезен советскими войсками в Москву и помещен в Центральный государственный Особый архив СССР.

25 августа 1948 г. согласно решению № 12/3-937 Главного архивного управления МВД СССР документы Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей в количестве 55 дел и 16 килограммов россыпи передали в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ныне ГА РФ), где после обработки и описания был образован фонд Р-6343 «Высшее Церковное Управление Русской Православной Церкви Заграницей» в количестве 384 дел. В 1996 г. фонд был переименован в «Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей г. Сремские Карловцы Югославия». В 1992 и 1998 гг. к нему присоединили несколько дел, сформированных из россыпи, поступившей из Библиотеки федеральных архивов. В настоящее время фонд Архиерейского Синода включает в себя 388 дел за 1917–1941 гг. Можно назвать и личные фонды ряда известных зарубежных церковных деятелей, в частности митрополита Западно-Европейского Евлогия (Георгиевского) (ф. Р-5919).

В Российском государственном военном архиве (Москва) хранится очень богатый фонд Рейхсминистерства церковных дел (ф. 1470), при этом его материалы территориально относятся лишь к оккупированным европейским странам и самой Германии, исключая СССР. Не менее содержателен, применительно к избранной теме, фонд Главного управления имперской безопасности (ф. 500). Он включает специальное дело с приказами шефа полиции безопасности и СД о религиозной политике на оккупированных восточных территориях за июль – ноябрь 1941 г. (оп. 5, д. 3). В нескольких делах хранится скопированная службами РСХА частная и деловая переписка русских священнослужителей различных европейских стран, в том числе Югославии, за 1937–1942 гг. (оп. 3, д. 450, 453, 454, 456). Отдельные документы о Русской Православной Церкви хранятся также в фондах Рейхсминистерства юстиции (ф. 1146), Полициейских и административных учреждений Германии и временно оккупированных территорий

³⁰ *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Джорданвилл, 1955; *Pavelic A.* Hrvatska pravoslavna crkva. Akta 1941–1945. Madrid, 1984; *Oberknezevic M.* Raznoj pravoslavija u Hrvatskoj i Hrvatska pravoslavna crkva. München-Barcelona, 1979; Русский Корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963; *Нафанашл (Львов), архим.* Страничка из жизни обители преподобного Иова // Православная жизнь. 1996. № 7. С. 3–31; *Григорий (Габбе), еп.* Завет Святого Патриарха. М., 1996; *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания. Нижний Новгород, 1998; *Он же.* Спасенный Богом. Воспоминания, письма. СПб., 2007; Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Письма, статьи, воспоминания / Сост. А. Мусин. Нижний Новгород, 2004; *Софроний (Сахаров), иеромон.* Старец Силуан Афонский. М., 1996; *Маевский В.* Афонские рассказы. Париж, 1950; *Он же.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии: В 2 т. Нью-Йорк, 1966 и др.

(ф. 1323), Рейхсминистерства занятых восточных территорий (ф. 1358), Рейхсминистерства просвещения и пропаганды (ф. 1363) и ряде других.

Религиозную ситуацию на оккупированных Германией территориях, в том числе в Юго-Восточной Европе, и историю русской церковной эмиграции можно изучать и по материалам Российского государственного архива социально-политической истории в Москве (РГАСПИ), в частности в фонде Центрального Комитета ВКП(б) – КПСС (ф. 17), а также в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, используя фонд Ленинградского уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви (ф. 9324).

В Германии прежде всего следует указать Федеральный архив в Берлине (Bundesarchiv Berlin – BA), где наибольшее значение для избранной темы имеет фонд Рейхсминистерства иностранных дел, в котором хранятся дела, содержащие донесения немецких посольств и уполномоченных МИД о религиозной ситуации в европейских странах. В двух подобных делах, в частности, имеются сведения о положении русских обитателей на Святой Горе Афон (R 901). Фонд Рейхсминистерства занятых восточных территорий содержит важнейшие акты, разработанные в министерстве и определившие церковную политику гражданской администрации на занятой германскими войсками территории СССР (R 6). В фонде Главного управления имперской безопасности имеется богатейшая информация о положении Русской Православной Церкви на оккупированной территории Восточной Европы и СССР: в трех группах сообщений представителей этого ведомства за 22 июня 1941–21 мая 1943 гг. (R 58).

Фонд Рейхсминистерства церковных дел содержит прежде всего материалы о положении приходов Русской Православной Церкви на территории Германии, однако с информативной целью министерство также получало различные сообщения и докладные записки о религиозной ситуации на оккупированной территории СССР и на Балканах. Таким образом, в этом фонде отложились дела, содержащие богатую информацию о Православных Церквях в Греции (в том числе на Святой Горе Афон), Протекторате Богемия и Моравия, Болгарии, Румынии и Сербии (R 5101). Кроме того, в Федеральном архиве отдельные акты, относящиеся к германской церковной политике в Юго-Восточной Европе, содержатся в фондах Имперской канцелярии (R 43/II), Рейхсминистерства юстиции (R 22), Рейхсминистерства финансов (R 2), Внешнеполитической службы национал-социалистической германской рабочей партии (NS 43) и др.

Очень ценным архивохранилищем является Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn – AA), где хранятся десятки дел с аналитическими записками, отчетами, письмами, телеграммами немецких дипломатических служб о религиозной ситуации в странах Восточной и Центральной Европы, в том числе в Сербии, Хорватии, Греции, Словакии, Венгрии и т. д. (Inland I-D, 4740–4742, 47974800 и др.).

Третьим использованным германским архивом был архив Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte München – IfZ). В нем также как и в Федеральном архиве Берлина имеется фонд Рейхсминистерства занятых восточных территорий. Он меньше по объему, но содержит много важных документов, отсутствующих в Берлине. Определенную ценность в этом плане представляет большая их подборка, рассказывающая о германской политике по отношению к Русской Церкви. (MA 794, 795, 797). О церковной ситуации в Хорватии и Сербии и других странах Восточной Европы говорится в материалах немецкого военного командования (MA 1039), Главного управления имперской безопасности (MA 447, 558, Ea 231/3) и Внешнеполитической службы «Восток» (MA 128).

Следует отметить, что материалы аналогичных фондов в германских и российских архивах в основной массе не повторяются и взаимно дополняют друг друга. Дело в том, что только часть документации различных ведомств Третьего рейха была вывезена в СССР, другая же часть осталась в Германии. И если довоенный период национал-социалистической политики по отношению к Русской Церкви лучше документирован в российских архивах, то военный,

напротив, в германских. Поэтому исследователям необходимо работать и в тех и в других. Трофейные же немецкие акты, вывезенные в США, в настоящее время скопированы, и их можно просмотреть в Федеральном архиве Берлина и Институте современной истории в Мюнхене.

Были использованы документы из четырех сербских архивов: Архива Югославии в Белграде (Архив Југославије, Београд), Архива Сербии в Белграде (Архив Србије, Београд) – фонд Г/3 Министерства просвещения и религии (Министерство просвете и вера), Архива города Белграда (Архив града Београда) – фонд Немецкой службы безопасности (Немачка служба безбедности) и Музея Сербской Православной Церкви в Белграде (Музеј Српске Православне Цркве Београд) – фонд Загребской митрополии (Митрополита Загребачка – Хрватска Православна Црква).

Автор смог посмотреть хранящиеся в Хорватском государственном архиве в Загребе (Državni arhiv hrvatske u Zagrebu) материалы архивно-следственного дела митрополита Загребского Гермогена (Максимова) и большой группы других священнослужителей и мирян различных конфессий, осужденных по указанию коммунистического руководства Югославии Военным трибуналом при коменданте г. Загреб 29 июня 1945 г. (д. К 167/1945).

Также удалось получить переводы некоторых документов Синода Элладской Православной Церкви за 1941–1943 гг., хранящихся в Исторической архиве Священного Синода Элладской Церкви в Афинах (Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church – HANS).

По-своему уникальная ситуация существует в Болгарии – Болгарская Церковь единственная из Православных Церквей Восточной Европы полностью передала свои документы за годы Второй мировой войны и послевоенный периоды в государственный архив, где они полностью доступны для исследователей. Автором была предпринята поездка в Софию, где он работал прежде всего в Центральном государственном архиве Болгарии (Централен държавен архив – ЦДА). Здесь были изучены как фонды занимавшихся церковными делами учреждений и ведомств этой страны, так и документы самой Болгарской Православной Церкви 1930–1945 гг., прежде всего фонд Священного Синода (ф. 791к). Кроме того, использовались некоторые документы находящегося в Софии Центрального партийного архива (Централен партиен архив – ЦПА). Удалось изучить и некоторые материалы в Архиве Рильского монастыря в Болгарии.

Автор работал и в двух архивах, содержащих русские церковные документы, американских университетов. Первый из них – Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры находится в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, New York). В этом архиве использовались главным образом документы фонда известного деятеля Русской Православной Церкви Заграницей протоиерея Владимира Востокова, служившего в годы Второй мировой войны в Югославии. Другой архив принадлежит Стенфордскому университету, расположенному в Селиконовой долине вблизи г. Сан-Франциско (Калифорния). Одна часть архива хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University): коллекции А. Даллина, Н. Иванова, Б. Николаевского, г. Фишера, а вторая – в специальной коллекции университетской библиотеки (Stanford University, Special collections Librarian). Здесь особенный интерес представляет фонд епископа Григория (Граббе).

Вторую группу образуют восемь русских церковных архивов, прежде всего Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в г. Нью-Йорке (СА). Из состава его документов для подготовки монографии использовались материалы нескольких десятков дел: переписка председателя Архиерейского Синода митрополита Анастасия и Берлинского епископа Серафима 1938–1939 гг. (д. 24/42), заявления православного духовенства, желающего выехать в Россию, и письма об отправке церковной литературы и утвари на территорию СССР 1941–1942 гг. (д. 17/41), документы одно время окормлявшего казачьи части обновленческого архиепископа Николая Автономова (д. 49/44), переписка митрополита Анастасия с различными

гражданскими и церковными инстанциями в период оккупации Югославии 1941–1944 гг. (д. 15/41), документы русских общин в Венгрии 1941–1942 гг. (д. 18/41), материалы русских приходов в Италии (д. 18/46), дела с протоколами заседаний Архиерейского Синода РПЦЗ за 28 ноября 1940 – 18 сентября 1946 г. и протоколами Архиерейских Соборов 1921–1949 гг., личные дела митрополита Анастасия (Грибановского), архиепископа Аверкия (Таушева), епископа Георгия (Граббе) и т. д.

На севере штата Нью-Йорк, в небольшом городке Джорданвилле, находится Архив Свято-Троицкой духовной семинарии Русской Православной Церкви Заграницей. Здесь были использованы личные фонды генерала П.Н. Краснова, церковного писателя В.А. Маевского (собравшего большое количество документов русских обитателей на Святой горе Афон), историков В.И. Алексеева, протопресвитера Михаила Польского, журналиста В.К. Абданк-Коссовского, содержащие материалы по истории русской церковной эмиграции в годы Второй мировой войны, а также фонд Русский фашизм.

Эти материалы дополняет Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в г. Мюнхене (АГЕ). Здесь хранятся дело «Разная переписка. Военные годы» с документами начальника канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ до начала 1930-х гг. Е.И. Махараблидзе, книга постановлений 1934–1948 гг. Духовного собора русского монастыря прп. Иова Почаевского, который почти до конца войны находился в Словакии и вел большую издательско-миссионерскую работу. Следует отметить и дело «Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923–1951 гг.», в котором собраны различные материалы по истории Православной Церкви на оккупированных нацистами территориях.

Следует упомянуть и Архив автокефальной Американской Православной Церкви в Сайоссете (штат Нью-Йорк) – The Archives of the Orthodox Church in Amerika Syosset (OCA Archives). В этом архивохранилище использовались материалы известного церковного историка протоиерея Димитрия Константинова, переписка Болгарской, Сербской и других Поместных Православных Церквей с Американской Церковью.

Чрезвычайно богат Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА), в котором были изучены десятки дел, содержащих документы как самих русских обитателей Святой Горы, так и их подворий и метохов в Константинополе и на территории Греции. Также были изучены некоторые материалы Архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, расположенного в Даниловом монастыре (Москва), прежде всего из папки «Афон». Отдельные личные дела вернувшихся из эмиграции священнослужителей просматривались в Архиве Санкт-Петербургской епархии.

Наконец, автор использовал документы Архива русского прихода свт. Николая Чудотворца в Риме (в юрисдикции Московского Патриархата), в частности переписку многолетнего настоятеля архимандрита Симеона (Нарбекова) и протоколы заседаний приходского совета за 1939–1945 гг.

Материалы военного времени сохранились далеко не полностью, поэтому в монографии активно использовались статьи и публикации документов из православных периодических изданий военных лет – прежде всего газеты «Православная Русь» (Ладомирова, Словакия), журналов «Церковная жизнь» (Белград), «Церковное обозрение» (Белград), «Сообщения и распоряжения высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского митрополичьего округа» (Берлин), «Бюллетень Представительства Архиепископа Берлинского и Германского для русских православных эмигрантских приходов в Королевстве Венгрия» (Уйвидек – Нови Сад, Венгрия).

Книга подготовлена при непосредственном содействии сотрудников и дирекции Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (в фондах которого хранится часть использованных документов).

Автором монографии является доктор исторических наук профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и Санкт-Петербургской духовной академии, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга Михаил Витальевич Шкаровский.

Автор приносит глубокую благодарность за оказанную помощь протоиерею Николаю Артемову, немецким профессорам Томасу Бремеру и Катарине Бёк.

Глава I

Греческие Церкви в годы Второй мировой войны

1. Константинопольский Патриархат

К началу потрясений Второй мировой войны Константинопольскую Церковь возглавлял Вениамин I (Кириак), избранный на престол 16 января 1936 г. Он родился в 1871 г. в г. Адрмиттий, в 1896 г. окончил Халкинскую богословскую школу и в 1896–1899 гг. работал учителем в г. Магнися (Греция), проповедником в Магнисийской митрополии Малой Азии и инспектором училищ. С 1912 г. владыка Вениамин служил митрополитом Родосским, в 1914–1925 гг. – митрополитом Филиппольским, в 1925–1933 гг. – митрополитом Никейским и с 1933 г. – митрополитом Ираклийским³¹.

В первые годы правления Патриарха Вениамина I прежняя политика захвата Константинопольской Патриархией чужих епархий (Эстонии, Финляндии и т. п.) в основном продолжалась, что существенно осложняло его отношения с Русской Церковью. Так, в 1936 г. после убийства митрополита Рижского (Поммера) Латышская Православная Церковь без согласия Московской Патриархии перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. 29 марта 1936 г. митрополит Фиатирский Герман возглавил Хиротонию во епископа с возведением в сан митрополита Рижского и всея Латвии бывшего до этих пор гарнизонным священником в Даугавпилсе Августина (Петерсона). В 1938 г. в Америке была учреждена существующая и сейчас в юрисдикции Константинопольского Патриархата Карпато-Русская епархия на основе 37 приходов, отошедших от униатства. Указом от 29 декабря 1939 г. Патриарх Вениамин сохранил Западно-Европейский экзархат на прежних основаниях в качестве автономного русского экзархата в лоне своей Патриархии.

Подобную политику Константинопольской Патриархии резко осуждали не только архиереи Русской Православной Церкви Заграницей, но и Московская Патриархия. Так, 4 июля 1936 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) в письме митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию (Богоявленскому) отмечал: «Что же касается Патриарха Константинопольского, то после всех неправд, учиненных и учиняемых им в отношении Русской Церкви, после открытого братания с обновленцами и другими нашими раскольниками, говорить о разрыве или о сохранении общения с Константинополем, по меньшей мере, поздно»³².

В целом в период между двумя мировыми войнами Константинопольский Патриархат, хотя и потерял большую часть своей паствы на территории Турции, сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в православном мире. При этом он перешел к неканоничной политике подчинения себе епархий и автономных Православных Церквей, отделившихся от Матери Церкви, прежде всего Русской, а также к проведению целого ряда церковных реформ. Это привело к значительному ухудшению отношений как с Московским Патриархатом, так и прежде всего с Русской Православной Церковью Заграницей.

В ходе разразившейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны Константинопольскому Патриарху не раз приходилось делать нелегкий выбор. В ноябре 1939 г. он представил по запросу немецкого генерального консульства в Стамбуле список архиереев Польской Право-

³¹ Вениамин I, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 656.

³² Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 580.

славной Церкви (из 10 человек), который был отправлен в Берлин³³. Но уже вскоре сотрудничество в этом вопросе с немцами существенно осложнилось.

В начале 1940 г. в югославской, чехословацкой и русской эмигрантской печати появились сообщения, что немецкое правительство планирует создать на территории Третьего рейха автокефальную Православную Церковь, в состав которой кроме Германской епархии РПЦЗ должна была войти Польская Православная Церковь, а также православные общины в Австрии, Венгрии, Чехии, Моравии, Словакии и Подкарпатской Руси. В прессе также сообщалось, что в Стамбул направлен специальный делегат, который должен провести переговоры с Константинопольским Патриархом о признании этой новой Поместной Церкви. За дарование автокефалии Православной Церкви в Третьем рейхе патриарху якобы обещали материальную помощь, необходимую для выплаты его долгов турецкому правительству³⁴.

Эти сообщения лишь отчасти соответствовали действительности. Рейхсминистерство церковных дел после начала Второй мировой войны действительно выступило с инициативой создания наднациональной Православной Церкви на всех завоеванных территориях. Предполагалось лишение автокефального статуса Польской Православной Церкви и подчинение епархий, как оказавшихся в составе Германии, так и оставшихся на территории Генерал-губернаторства, архиепископу Берлинскому и Германскому (в юрисдикции РПЦЗ) Серафиму (Ляде). Однако германский МИД и внешнеполитическая служба нацистской партии не поддержали этот план. В результате уже в январе 1940 г. было принято решение об отказе от создания наднациональной Православной Церкви Третьего рейха³⁵. Таким образом, сведения, проникшие в европейскую печать, оказались не совсем точны.

Весной 1940 г. бежавший в Румынию после оккупации Польши епископ Гродненский Савва (Советов) обратился с жалобой к Константинопольскому Патриарху Вениамину на самоуправство архиепископа Серафима (Ляде), временно возглавившего Автокефальную Церковь в Польском Генерал-губернаторстве. По заданию бывшего польского министра культов епископ дважды ездил из Бухареста в Стамбул и добился удовлетворения своего прошения – в апреле патриарх созвал Синод, который принял два постановления: 1. Законным главой Православной Церкви на территории Генерал-губернаторства является прежний Первоиерарх Польской Церкви митрополит Дионисий (отстраненный от управления немцами) и 2. Передача управления Церковью архиеп. Серафиму не канонична. В соответствии с решениями Синода патриарх отдал архиепископа под церковный суд. Именно указанные постановления побудили правительство генерал-губернатора Франка в конце концов сделать главную ставку в качестве руководителя Православной Церкви на митрополита Дионисия (Валединского)³⁶.

Существуют газетные сообщения о том, что немецкие дипломаты пытались, по одним сведениям в январе, по другим – в июле 1940 г., убедить Константинопольского Патриарха признать владыку Серафима в качестве главы Православной Церкви в Генерал-губернаторстве. При этом они якобы обещали взамен то ли денежную помощь, то ли организацию православного теологического факультета в Берлине³⁷. Однако просмотр архивных документов немецкого МИД показал, что газетные сообщения не соответствовали истине, таких попыток никогда не предпринималось. Наоборот, внешнеполитические ведомства Третьего рейха (в отличие от Министерства церковных дел) были настроены враждебно по отношению к архиепископу Серафиму и пытались любыми путями убрать его из Генерал-губернаторства.

³³ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn (AA), Polen V 288.

³⁴ Radic R. Srpska pravoslavna crkva i pravoslavlje u Cehoslovačkoj // Tokovi istorije. Београд. 1997. № 1–2. С. 114–115.

³⁵ Подробнее см.: Шкаровский МВ. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 117–122.

³⁶ AA, Inland I-D, 4757, Polen V, 289, Bl. 23.

³⁷ Последние новости. 1940. 9 января; Catholic Herald. 9.01.1942.

18 июня уполномоченный МИД в Генерал-губернаторстве Вюлиш сообщил своему начальству, что группа церковных дел в правительстве Франка пришла к решению о необходимости Хиротонии новых епископов Константинопольским Патриархом. Вюлиш хотел узнать, существуют ли против этого плана возражения и отвечает ли патриарх германским желаниям³⁸.

9 июля начальник упомянутой группы церковных дел Вильден уже указал уполномоченному МИД на необходимость обеспечить, чтобы архиепископ Серафим в обозримом будущем отказался от управления. Вильден полагал необходимым выбрать трех епископов (в том числе двух украинцев), чтобы собрать Архиерейский Собор и образовать Синод. Хиротонию новых архиереев могли бы провести два оставшихся в Генерал-губернаторстве иерарха Польской Церкви: митрополит Дионисий и епископ Тимофей (Шрёттер). Второй вариант предусматривал Хиротонию епископов Вселенским Патриархом, при этом кандидатам необязательно надо было ехать в Турцию; Патриарх якобы мог поручить хиротонию двум архиереям из Протектората или бывшей Австрии. Вероятно, здесь имелись в виду проживавшие в Праге и находившиеся в юрисдикции Константинопольского Патриархата чешский архиепископ Савватий (Врабец) и русский епископ Сергей (Королев). Вильден предлагал запросить согласие патриарха через немецкое посольство в Анкаре и считал, что тот не откажется³⁹. В целом второй вариант выглядел утопично, и от него вскоре отказались.

23 сентября 1940 г. митрополит Дионисий, принеся клятву верности генерал-губернатору Франку, вернулся к управлению Церковью. А 2 ноября состоялась архиерейская Хиротония епископа Холмского и Подляшского Илариона (Огиенко), которую совершили владыка Дионисий, епископ Тимофей и приехавший из Праги архиепископ Савватий (Врабец). Так как последний находился в юрисдикции Константинопольского Патриархата, это, по мнению немецкого МИДа, означало косвенное признание хиротонии (да и в целом Православной Церкви Генерал-губернаторства) Патриархом Вениамином⁴⁰. По свидетельству известного чехословацкого деятеля Ивана Рохана, сделавшего это заявление в Париже 30 декабря 1940 г., во Вселенском Патриархате и Элладской Церкви было достаточно церковных деятелей – германофилов⁴¹. При этом во второй половине 1941 г. Константинопольский Патриарх все-таки выразил папе Пию XII протест по поводу жестоких преследований сербов в профашистской и прокатолической Хорватии, а в дальнейшем, после получения негативного решения Синода Сербской Церкви от 30 апреля 1942 г., отказался признать неканоничную автокефальную Хорватскую Православную Церковь⁴².

21 сентября 1941 г. здания Константинопольской Патриархии сильно пострадали от пожара в квартале Фанар. Сгорели половина домов Патриархии, канцелярии разных отделов, часть патриаршей церкви, зал заседаний Священного Синода и парадная трапезная, во время тушения огня оказались повреждены архивы, ризницы и музей церковных ценностей. Среди насельников Патриархии жертв не было, при этом больного Патриарха Вениамина I вынесли из спальни и перевезли в частный дом (пострадавшие от пожара здания частично восстановили только к лету 1943 г.)⁴³.

Кроме того, 11 ноября 1942 г. Великое национальное собрание по предложению турецкого правительства проголосовало за введение в крупных городах нового налога на собственность. Для немусульман этот налог устанавливался в 10 раз выше, чем для мусульман, а для иностранцев – вдвое больше. Те, кто не мог уплатить налога, ссылались в анатолийский Аскал

³⁸ AA, Polen V, 289, Bl. 21.

³⁹ AA, Polen V 289, Bl. 24.

⁴⁰ Ebd., Bl. 76.

⁴¹ Архив Југославије, Београд (АЈ), ЦПБ, 38-171-318.

⁴² Ђурић В. Српска православна црква у независној држави хрватској 1941–1945 године. Ветерник, 2002. С. 33.

⁴³ Церковное обозрение. 1941. № 10–12. С. 7; Церковная жизнь. 1942. № 2. С. 30; Orthodoxy. Juni 1943. P. 124–126.

на тяжелые работы, что коснулось некоторых греков – жителей Стамбула. В тот же период православные благотворительные учреждения Балыклы были поставлены под контроль неканоничного «Папы» Евтима, причем их единственным управителем был назначен член Великого национального собрания Стамат Зини Оздамар. Это был единственный случай применения закона 1935 г. к учреждениям греческой общины⁴⁴.

Это бедствие попытались использовать в своих целях немцы. 6 октября 1941 г. германский консул в Стамбуле сообщил своему руководству в Берлин, что он выразил Патриарху (с которым периодически обменивается визитами) участие в связи с пожаром и предложил материальную помощь для устранения последствий бедствия, однако Вениамин I под влиянием местного греческого консульства не решился ее принять. Консул также отмечал, что через Немецкую Евангелическо-лютеранскую Церковь поддерживаются связи с Патриархом в рамках экуменического движения, однако и Великобритания через Англиканскую Церковь «последние годы пытается использовать Константинопольский Патриархат для своих политических целей в балканских государствах», при этом «давление турок уже привело в прошлом году к полному запугиванию Патриарха»⁴⁵.

В целом Балканы еще с середины 1930-х гг. оказались в поле зрения нацистской внешней политики. Расположенные в этом регионе государства населяли в основном православные народы – болгары, румыны, греки, сербы и т. д. Православные национальные Церкви традиционно играли большую роль в жизни балканских стран, и германский МИД в 1936–1944 гг. постоянно пытался различными способами включить их в сферу своего влияния. Важное значение имел тот факт, что Болгария и Румыния стали союзниками Германии во Второй мировой войне. Особенно большое внимание нацистские ведомства принялись уделять церковной политике на Балканах с 1941 г. – после оккупации Югославии и Греции и начала войны с СССР. 24 сентября реферат культуры МИД запросил на эти цели на 1942 г. небывало большую сумму в 100 тыс. рейхсмарок. В качестве обоснования указывалось: «Поражение англо-американской, французской, римско-куртальной и панславянской культурной политики, которая по существу проявляется в поддержке молодых кадров Православных Церквей Востока и Юго-Востока, является первостепенной задачей немецкой культурной политики, которая, принимая во внимание развитие военной ситуации на Востоке и будущие отношения Германии с Украиной, имеет в этом поле деятельности постоянно расширяющиеся возможности»⁴⁶. Запрашиваемая сумма была выделена.

Интерес к церковной политике на Балканах проявлял не только МИД, но и другие ведомства. 22–23 сентября 1941 г. в Берлине в Главном управлении имперской безопасности прошло «Заседание разработчиков Церкви при органах государственной полиции». В докладе «О проблематике Восточных Церквей», прочитанном унтерштурмфюрером СС Вандеслебенном, среди прочих ставилась задача «поддержки православных в качестве противовеса Римской Церкви (поддержка Церквей меньшинства)»⁴⁷. Католическая Церковь казалась нацистам в мировоззренческом плане более сильным противником.

Одним из способов оказания влияния на Православные Церкви было предоставление с 1936 г. стипендий для научной работы и учебы богословов в Германии. Так, в 1941 г. 26 православным стипендиатам из Болгарии, Румынии, Греции, Хорватии, Словакии и Финляндии выделили 46, 8 тыс. марок. Подчеркивая важность подбора кандидатов на получение стипендий, МИД в январе 1942 г. писал послам в столицах балканских государств (в том числе Турции): «Цель этой стипендиальной акции состоит в том, чтобы, насколько возможно, духовно

⁴⁴ *Нанакис А.* История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX в. Киев, 2010. С. 44–45.

⁴⁵ BA, R 5101/23175, Bl. 59.

⁴⁶ BA, R 901/69300, Bl. 59.

⁴⁷ Ebd., R 58/218, Bl. 2, 32.

ориентировать всю Православную Церковь на Германский рейх, получить через нее влияние на ее приверженцев и по возможности придать ей силу, способную остановить ее вытеснение воинствующей Католической Церковью»⁴⁸.

14 октября 1941 г. начальник реферата культуры немецкого МИД Гранов предложил государственному секретарю указать дипломатическим работникам в Белграде, Софии, Бухаресте, Афинах и Стамбуле, чтобы они «уделяли особенное внимание наблюдению за всеми процессами в Православной Церкви и соответствующим образом усиливали наше влияние на ее духовенство и церковный народ». И 20 октября такие указания были даны⁴⁹.

К этому времени стратегия немецкой церковной политики в этом регионе еще не была окончательно выработана. Существовало два варианта подчинения местных Православных Церквей, из которых Константинопольскому Патриархату придавалось особое значение, нацистским политическим интересам, каждый из которых был рассчитан на относительно длительную перспективу. Эти варианты стратегии подверглись анализу в «Заметке о Вселенском Патриархате» от 6 мая 1942 г., составленной чиновниками МИД: «1. Дальнейшая поддержка национальных особенностей отдельных Православных Церквей с целью постепенной ликвидации наднациональных церковных связей православия...

2. Другим путем соблюдения интересов германского порядка на Юго-Востоке было бы следование английскому, а ранее российскому примеру, то есть использование институтов, как они существуют, и, кроме этого, укрепление их с целью воздействия на все православие»⁵⁰.

Но из двух вариантов германские ведомства и раньше и в дальнейшем – в 1942–1944 гг. явное предпочтение отдавали первому – максимально возможному раздроблению Православных Церквей и разрушению общеправославных связей. В значительной степени это делалось из опасения панславянского единства, связующим звеном которого могла стать Русская Церковь. Так, в докладе объехавшего балканские страны представителя немецкого МИД Герстенмайера от 24 сентября 1941 г. делался общий тревожный вывод: «Далее в глаза бросается развитие панславянских тенденций, которые с некоторого времени повсеместно становятся заметны в славянском православии»⁵¹.

Кроме того, нацистские органы власти очень настороженно относились к Константинопольскому Патриарху, считая его в значительной степени находящимся под англо-американским воздействием. Он проживал вне сферы контроля германских ведомств – в Стамбуле и экономически зависел от греческого королевского дома и эмигрантского правительства Греции, которые вывезли золотой запас страны в занятый английскими войсками Каир, откуда патриарх и получал основную часть финансовой помощи. Таким образом, с немецкой стороны речь могла идти только о политике максимального ослабления влияния Константинопольской Патриархии на православный мир, что не исключало отдельных попыток воздействия на нее в своих интересах.

В католических газетах военных лет и некоторых послевоенных публикациях встречается утверждение, будто бы Гитлер предложил Константинопольскому Патриарху послать по своему выбору епископа, чтобы реорганизовать Православную Церковь на занятых русских территориях, и якобы Первосвятытель даже принял эти предложения⁵². Просмотренные архивные документы позволяют сделать однозначный вывод, что подобные утверждения лишены всяких оснований.

⁴⁸ Ebd., R 901/69301, Bl. 47, 55.

⁴⁹ BA, R 901/69300, Bl. 81.

⁵⁰ Ebd., R 901/69301, Bl. 306.

⁵¹ Ebd., R 901/69300, Bl. 77.

⁵² Catholic Herald. 9.01.1942; Maier-Hultschin J.C. Die Orthodoxie in Hitlers weltpolitischem Spiel in: Die Neue Ordnung in Kirche, Staat, Gesellschaft, Kultur, 1954. Heft 2. S. 97.

Более того, германские ведомства даже выражали опасения, что подобные планы существуют у руководства СССР. В одном из сообщений немецкого МИД 1942 г. говорится, что советский посол в Турции якобы предложил Константинопольскому Патриарху финансовую помощь и попросил прислать в Советский Союз двух священнослужителей, чтобы они «помогли вернуть народ к прежней вере». В сообщении отмечалось, что здесь «видна старая московская цель – Царьград», но Константинопольский Патриарх, «кажется ближе к Белому дому, чем к Москве». МИД подчеркивал, что Православная Церковь снова является немаловажным инструментом международной политики, и то, что сейчас еще остается тактикой и пропагандой, «завтра может получить исторический вес»⁵³. Этот заключительный вывод был справедливым, но информация о просьбе советского посла прислать в СССР священнослужителей, скорее всего, не соответствовала действительности, хотя в аналитической записке немецкого МИД от 15 июня 1944 г. упоминалось, что Вселенская Патриархия «вообще не ответила» на советскую просьбу начала войны «о присылке православных священников и учителей»⁵⁴.

Впрочем, в аналитическом обзоре «Позиция коммунистического государства по отношению к Православной Церкви», составленном в 1952 г. для американской разведки, говорилось, что в середине января 1943 г. советский генеральный консул в Стамбуле посетил Фанар, передав на рассмотрение соглашение между Константинопольским Патриархом и Русской Церковью. В ходе беседы последовало предложение дипломата прислать молодых священников в СССР, но Патриарх Вениамин отклонил его, указав на трудность получения от турецких властей необходимого разрешения. «В это время в Стамбуле прошел слух, что в советском посольстве готовится создание домового храма для пропагандистских целей»⁵⁵.

Весной 1943 г. в русской эмигрантской печати появилась информация о намерении Сталина, для доказательства своего «благорасположения» к Церкви, восстановить общение между Московским и Вселенским Патриархатами. С данной целью он якобы собирался направить в Стамбул особую делегацию из представителей Русской Церкви, но Патриарх Вениамин не был расположен ее принять, так как опасался, «что это обстоятельство стало бы в противоречие общей политике Турецкого государства»⁵⁶. Правда, никаких сведений о подобных планах советского руководства в первой половине 1943 г. в российских архивах найти не удалось.

К этому времени по требованию антихристиански настроенного нацистского руководства были свернуты почти все связи Немецкой Евангелическо-Лютеранской Церкви (ЕЛЦ) с Православными Церквями Балкан. 9 декабря 1942 г. МИД известил начальника Международной службы ЕЛЦ епископа Хеккеля

о прекращении финансирования пребывания стипендиатов этих Церквей в Германии и вообще о принципиальной нежелательности межцерковных связей. В ответном письме от 30 января 1943 г. епископ выразил готовность ликвидировать стипендиальную работу, хотя, проанализировав церковную ситуацию на Балканах, не согласился с внешнеполитической целесообразностью этого указания. В то же время Хеккель отказался полностью прекратить контакты с Православными Церквями Юго-Восточной Европы и заявил, что видит в письме МИД «генеральное выражение недоверия» Международной службе ЕЛЦ⁵⁷. Правда, как раз МИД был в этом не виноват, его чиновники не были согласны с полученными ими из Рейхсканцелярии указаниями, но оказались вынуждены подчиниться.

⁵³ ВА, Р 90/129, Вл. 29.

⁵⁴ АА, Inland I-D, 4781.

⁵⁵ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. / Сост. Т.В. Волокитина, г. П. Мурашко, А.Ф. Носкова. Т. 2. М., 2009. С. 1006.

⁵⁶ Церковное обозрение. 1943. № 6. С. 7.

⁵⁷ ВА, Р 5101/23174, Вл. 104.

В то время как нацистская Германия сократила возможности своего воздействия на Константинопольскую Патриархию, союзники по Антигитлеровской коалиции, наоборот, активизировали подобные контакты. 17 июня 1943 г. Патриарх Вениамин принял англиканского епископа Гибралтарского Харольда Букстона, а в июле во время встречи с польским послом в Турции выразил ему соболезнование в связи с гибелью в авиационной катастрофе польского премьер-министра в эмиграции В. Сикорского⁵⁸.

Особенно активные связи Англиканская Церковь поддерживала с экзархом Константинопольского Патриарха в Центральной и Западной Европе митрополитом Фиатирским Германом (Стринопулосом). Так, в сентябре 1943 г. представители Англиканской Церкви во главе с епископом Лондонским участвовали в совершенном этим митрополитом богослужении для греков в соборе св. Павла, а в декабре Владыка Герман присутствовал на церемонии рукоположения нового англиканского епископа Иерусалимского В. Стеварта в Вестминстерском аббатстве Лондона. В том же месяце все высшие иерархи Англиканской Церкви поздравили митрополита с 21-й годовщиной его служения в качестве экзарха⁵⁹.

В 1943 г. известный американский епископ Спеллман 14 дней находился в Стамбуле и много раз встречался с патриархом; в том же году МИД Великобритании отозвал из Турции своего посольского священника, так как он не уделял должного внимания связям с Константинопольской Патриархией, и назначил очень активного в этом плане священника Хучессона. Правда, турецкие власти, препятствовавшие усилению греческого элемента в Стамбуле, стремились контролировать любое политическое влияние на Вениамина I. В частности, подобные попытки английского посольства привели в 1943 г. к тому, что некоторые греки – турецкие подданные из окружения патриарха были на длительное время интернированы (а потом освобождены без объяснения причин задержания)⁶⁰.

Вскоре к английскому и американскому прибавилось влияние из Советского Союза. После избрания в сентябре 1943 г. Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского) Патриарх Вениамин довольно быстро приветствовал это событие, что стало большим ударом для германских ведомств. Константинопольский Патриарх прочел лично, а также на заседании своего Священного Синода братское послание владыки Сергия от 18 сентября. В аналитической записке немецкого МИД от 2 октября уже отмечалось, что выборы в Москве признали два Патриарха – Константинопольский и Александрийский. При этом Патриарх Вениамин I не только официально признал их, но и участвовал в большой благодарственной екуменической молитве об улучшении положения Русской Церкви. Правда, после письма греческого короля Георга из Каира о большевистских обманных маневрах у Константинопольского Патриарха снова появились колебания, но они были временными⁶¹.

19 октября немецкая информационная служба сообщила из Анкары о том, что планируется поездка Московского Патриарха в Стамбул и финансовая поддержка им Константинопольской Патриархии, так как она перестала получать деньги от греческого правительства в эмиграции. На следующий день, 20 октября, референт немецкого МИД Колреп в докладной записке Партийной канцелярии «Панправославные цели Сталина на Балканах» вообще указал, что «Сталин уже около года переводит Константинопольскому Патриарху большие денежные суммы»⁶².

В меморандуме Рейхсминистерства занятых восточных территорий «Красный Патриарх» от 15 декабря 1943 г. с горечью констатировалось: «СССР будет продолжать царскую поли-

⁵⁸ Orthodoxy. Juni 1943. P 139, Juli 1943. P 167.

⁵⁹ Church Times. 1.10.1943. P 507, 10.12.1943. P 643; Katholik. 1.01.1944. P 5.

⁶⁰ AA, Inland I-D, 4781.

⁶¹ Ebd., 4797.

⁶² Ebd., 4779.

тику использования Русской Православной Церкви во внешней политике, прежде всего на Балканах, где она пользуется большим авторитетом... Также планируется посещение делегацией Русской Церкви Ближнего Востока – Иерусалима, Александрии и возможно Константинополя. Несомненно, что Сталин посредством нового патриарха преследует старые русские цели на Ближнем Востоке. Советская внутренняя и внешняя политика будет все сильнее пребывать под знаком Красного Патриарха. Становится ясно, что христианские Церкви всего мира разыгрывают против Рейха и национал-социализма»⁶³.

После избрания Патриарха Сергия германские ведомства провели целый ряд крупных пропагандистских акций с целью убедить Предстоятелей Поместных Православных Церквей не признавать этих выборов. Первоначально они действовали через посольства Третьего рейха, но уже 7–9 октября немецкий МИД получил от своих представителей в ряде балканских стран (Греции, Сербии, Болгарии, Турции) сообщения, что «организовать осуждение избрания Сергия местными Православными Церквями не удастся». Для продолжения агитации посольства просили прислать резолюции и воззвания русских иерархов, разоблачавшие новую советскую религиозную политику⁶⁴.

Вскоре после этого, 21–25 октября, в Вене состоялась конференция архиереев Русской Православной Церкви Заграницей, не признавшая избрания митрополита Сергия Патриархом. Однако планы германских ведомств относительно пропагандистского использования решений этой конференции в целом потерпели неудачу, хотя ее резолюции были посланы главам многих Православных Церквей, в том числе Константинопольскому Патриарху.

20 декабря 1943 г. Патриарх Вениамин отправил в Москву приветственную грамоту, в которой поздравил владыку Сергия со вступлением в сан патриарха: «Наша Святая Великая Церковь Христова в своей особенной любви к любимой сестре – Российской Церкви, с глубоким сочувствием следя за всем, касающимся ее великой Церкви, как следовало ожидать, посочувствовала радости Вашей и горячо вознесла благодарение ко Господу за то, что Он в Своей неизмеримой милости утешил Российскую Церковь, давши ей как Первосвятителя и Предстоятеля Ваше досточтимое Блаженство». В ноябре – декабре подобные приветственные грамоты послали и все другие Восточные патриархи⁶⁵.

В сообщении тайного информатора немецкого консульства в Стамбуле от 25 марта 1944 г. говорилось о его разговоре с митрополитом Геннадием, который по вопросу законности выборов Патриарха Сергия сказал очень определенно: «Русский Патриарх в любом случае признается. Мы и другие патриархи его признали». Все попытки оспорить законность этого избрания по каноническим причинам оказались напрасными, более того, уже были установлены связи между Московской и Константинопольской Патриархиями, и даже планировалась поездка Антиохийского Патриарха в Москву⁶⁶.

В своей заметке от 31 марта 1944 г. референт Колреп писал, что развернутая после Венской конференции немецким МИД акция с целью побудить балканские Церкви выступить с заявлением против назначения Патриархом Сергия не удалась, и под влиянием советской пропаганды ранее антибольшевистски настроенные архиереи Балкан начали колебаться: «Является фактом, что принятая на Венской Архиерейской конференции... резко направленная против неканонического присвоения звания Патриарха Сергию резолюция в результате не дала желаемого пропагандистского успеха, особенно у Автокефальных Церквей Балкан. Ставшие известными высказывания православных архиереев Балкан подтверждают это впечатление»⁶⁷.

⁶³ ВА, R 6/178, Bl. 67.

⁶⁴ АА, Inland I-D, 4797.

⁶⁵ ЖМП. 1944. № 2. С. 3–5.

⁶⁶ АА, Inland I-D, 4779.

⁶⁷ Ebd., 4757.

Далее Колреп указывал, что в результате был избран другой способ воздействия на православных епископов Балкан – через архиереев занятых восточных территорий. С этой целью планировалось в апреле – мае провести 3–4 конференции украинских, белорусских и прибалтийских православных епископов в Риге, Варшаве и Минске с принятием антисергианских и антисоветских резолюций. Эти конференции должно было готовить Главное управление имперской безопасности по согласованию с Партийной канцелярией, Министерством занятых восточных территорий, Министерством пропаганды и МИД, участие в них эмигрантских архиереев категорически исключалось. Принятые резолюции рекомендовалось доставить главам балканских Православных Церквей через «надежных архиереев из участников конференций». Колреп считал, что подобная акция имеет все шансы на успех: «Вернее сказать, мы сейчас имеем возможность побудить епископов и митрополитов к ясному высказыванию мнения за или против большевизма и этим политически включить их в сферу нашего влияния»⁶⁸.

17 апреля 1944 г. МИД переслал резолюцию Рижской конференции немецким послам и дипломатическим представителям в 20 европейских государствах, в том числе в Турции. В сопроводительной телеграмме указывалось: «Запланировано по возможности использовать отдельных епископов посредством поездок в балканские страны для прямого воздействия на глав автокефальных Церквей. Немецкое или русское эмигрантское влияние по возможности не должно быть заметно». Подобным образом рассылались и резолюции конференций в Варшаве и Минске⁶⁹.

Весной 1944 г. МИД придавал подобной церковно-политической деятельности такое большое значение, что пошел на создание нового подразделения, специально предназначенного для координации ее проведения – информационного бюро XIII. Заседание этого органа должно было проходить раз в две недели. Первое из них состоялось 12 апреля, а второе – 4 мая. В ходе обсуждения речь шла в основном об использовании результатов упомянутых конференций русских иерархов: «В настоящий момент под первостепенной задачей церковно-политической информации понимается прежде всего защита от сталинского религиозного наступления, влияние которого является ощутимым и имеет большое политическое значение. Как известно, русские епископы и высшие духовные сановники с занятых нами территорий, то есть такие личности, которые не принадлежат к царским эмигрантам, а прочувствовали большевизм на своей спине и частично до сих пор в церковном плане находятся под руководством Московской Русской Церкви, в решениях трех больших конференций в Риге и Варшаве выразили мнение относительно религиозных вопросов и большевизма... Рижское решение уже распространяется и направлено для дальнейшего использования посольствам. Кроме того, оно было на русском и французском языках через позднее убитого митрополита Сергия направлено главам автокефальных Церквей Балкан. Обсуждалась и еще обсуждается возможность устроить поездку ряда русских персон с целью их использования на Балканах, для того чтобы побудить православных Балкан к ясному высказыванию точки зрения против Сталина или против Патриарха Московского Сергия, после того как эхо Венской конференции русских епископов-эмигрантов оказалось очень незначительным и ясно показало наше опасное положение в религиозном секторе на Балканах. Из-за факта убийства Сергия Виленского резолюция получила особую актуальность»⁷⁰.

Вся акция согласовывалась с Партийной канцелярией, причем допущение возможности проведения совещаний и заграничных поездок православных архиереев занятых восточных территорий вовсе не означало изменения принципиально враждебного отношения руководства Третьего рейха к Русской Церкви. Это было видно и из комментария посланника Лангмана

⁶⁸ AA, Inland I-D, 4757.

⁶⁹ Ebd., 4756, Bl. 36, 63, 4757.

⁷⁰ BA, R 901/vorl. 398, Bl. 17, 25–26.

относительно переговоров с Партийной канцелярией, высказанного на заседании информационного бюро XIII: «При этом речь идет не об изменении принципиальной постановки вопроса, а о практических мероприятиях»⁷¹.

12 мая в Партийной канцелярии состоялось совещание, на котором было признано целесообразным использование православного духовенства с Востока для пропаганды на Балканах. По его итогам Колреп просил 16 мая ведомство шефа полиции безопасности и СД как можно быстрее подобрать подходящих священнослужителей. В тот же день в немецкие посольства (в том числе в Анкару) были посланы антисоветские Пасхальные послания украинских архиереев для их передачи главам местных Православных Церквей⁷².

В аналитической записке немецкого МИД «Об устремлениях сталинской пропаганды на Ближнем Востоке и Балканах» от 15 июня (подготовленной референтом Круммхюбелем) отмечалось, что Сталин интенсивно и в растущем объеме использует все возможности для расширения влияния в религиозной сфере, и избрание Московского Патриарха «служит цели нового возрождения царско-панправославной идеи защиты Русской Православной Церковью балканских Церквей». Эти планы казались МИД очень опасными, так как на Балканах в ряде стран православие являлось «сильным конструктивным внутривнутриполитическим элементом». Для противодействия им прямого влияния немецких посольств на Православные Церкви было явно недостаточно, по мнению Круммхюбеля, требовалось использовать и «конфессиональные каналы», а прежние подобные связи (поездки на Балканы евангелических профессоров-теологов и православных богословов в Германию, немецкие стипендии православным священнослужителям, влияние Международной службы Лютеранской Церкви Германии и т. д.) оказались практически полностью прекращены. Намечавшаяся в январе 1944 г. поездка епископа Хеккеля в Стамбул была в последний момент запрещена СД, в связи с чем Патриарх Вениамин, лично знавший этого епископа, передал ему через стамбульского евангелического священника свои сожаления.

Круммхюбель отмечал, что яснее всего необходимость немецкой активности в церковной области видна с учетом ситуации в Турции, где Константинопольский Патриарх подвергался интенсивному воздействию с английской, американской и советской сторон. Хотя значение Вселенской Патриархии во время войны не следовало переоценивать, все же следовало учитывать ряд важных обстоятельств: ее возможности влиять на положение в Греции, контакты с Румынской Патриархией, проблему схизмы Болгарской Церкви и, особенно, сталинское проникновение на берега Босфора. По сведениям немецкого МИД, Патриарх Вениамин с 1943 г. получал финансовую помощь из Москвы. В начальный период новой религиозной политики Сталина в Фанаре к ней относились очень скептически, но после выборов Патриарха Сергия изменили свою позицию. Все немецкие усилия побудить Вениамина I признать эти выборы неканоничными оказались безуспешными. Английская и американская пресса часто писала, что Сталин хочет заменить на Балканах прежнее воздействие Коминтерна православными связями. В конце записки говорилось, что немецкие позиции у балканских Православных Церквей, бывшие ранее очень хорошими, сейчас значительно ухудшились, а англичане, американцы и русские успешно расширяют свое влияние на балканское православие.

В этой связи МИД предлагал различные контрмеры советской церковной пропаганде – поездки профессоров-теологов, ранее пресекавшиеся СД, назначение евангелического епископа Хеккеля представителем при Константинопольском Патриархе и в очередной раз подчеркивал: «Кроме того, желательно использование православных русских, по возможности не

⁷¹ Ebd., Bl. 28–29.

⁷² AA, Inland I-D, 4740, 4756.

царских эмигрантов, которые больше на Балканах не популярны, и других православных доверенных лиц, которых СД, по-видимому, имеет в своем распоряжении»⁷³.

Последний раз 27 июля немецкий МИД отправил в одно из своих посольств на Балканах с просьбой как можно шире распространить ее – антисоветскую резолюцию, принятую 15 мая Архиерейской конференцией Белорусской Православной Церкви в Минске⁷⁴. Таким образом, безуспешные попытки германских ведомств проводить пропагандистские церковные акции на Юго-Востоке Европы продолжались до начала августа 1944 г., затем их пришлось резко свернуть. В связи с общим ухудшением военного положения и приближением советских войск стало не до них. Так и не дошло дело до посылки на Балканы священнослужителей из Белоруссии, Украины и России.

В этой связи представляет интерес сообщение немецкого МИД шефу полиции безопасности и СД о ситуации в Константинопольской Патриархии от 25 июля 1944 г. В нем говорилось о том, что Патриарх Вениамин признал Патриаршие выборы в Москве и с тех пор получает новую информацию о церковной жизни в России. Кроме того, он регулярно внимательно слушает передаваемые Афинским радио православные богослужения, и к Пасхе получил от православных из Америки 30 тыс. долларов, к которым для урегулирования спорных церковных вопросов скоро пошлет как минимум двух священнослужителей. Патриарх Вениамин также принял английского посольского священника Хучессона, который задал ему вопрос: «Кто будет в этой войне победителем?», на что Первосвяtitель ответил: «Это находится в руках Господа и не является делом Церкви. Она должна заниматься лишь церковными вопросами...» Ни о каких попытках оказать на Константинопольскую Патриархию влияние с немецкой стороны в сообщении не говорилось⁷⁵.

Через несколько месяцев связи Московского и Константинопольского Патриархатов укрепились настолько, что представитель последнего – митрополит Фиатирский, экзарх Центральной и Западной Европы Герман (Германос Стринопулос) присутствовал на Всероссийском Поместном Соборе 31 января – 2 февраля 1945 г., а Патриарх Вениамин прислал свою приветственную телеграмму. В докладной записке председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова И.В. Сталину от 18 января отмечалось: «Вселенский Патриарх, архиепископ Константинополя Вениамин, 1871 г. рождения, по национальности грек, по своему положению среди Восточных Патриархов занимающий первое место, как “старший среди равных”, находится под сильным влиянием турок. Патриарх Вениамин сообщил телеграммой митрополиту Алексию, что он не может приехать в Москву по болезни»⁷⁶.

В другом докладе Г.Г. Карпова советскому правительству об итогах Поместного Собора говорилось: «Московская Патриархия, в частности, договорилась с Патриархом Александрийским Христофором, представителями Константинопольского и Иерусалимского Патриархов о прекращении связей с митрополитом Анастасием и о необходимости совместной борьбы против Ватикана»⁷⁷.

Избранный 2 февраля на Соборе Патриархом Московским и всея Руси владыка Алексей (Симанский) в том же месяце активно содействовал снятию Константинопольским Патриархатом схизмы с Болгарской Православной Церкви. 6 марта Первосвяtitель выслал Патриарху Вениамину известительную грамоту об избрании и наречении его на Патриарший Престол Московский и всея Руси. В ответном поздравительном письме от 25 апреля из Стамбула говорилось: «Когда приходится делать великое и трудное дело в нашей Святой Православной

⁷³ AA, Inland I-D, 4781.

⁷⁴ Ebd., 4756, Bl. 36.

⁷⁵ Ebd., Inland IIg, 44, Bd. 1, Bl. 2.

⁷⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 369.

⁷⁷ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 140.

Церкви – устройство и совершение во Христе полноты ее, произошло избрание Вас собравшимся сонмом преосвященных иерархов по верховной воле Святой нашей Церкви». В середине мая Константинопольский Патриарх прислал в Москву еще одно письмо, в котором благодарил Патриарха Алексия за присланную в подарок драгоценную икону и за «сердечный прием, и почести, и внимание», оказанные митрополиту Герману во время его пребывания на Всероссийском Соборе, а также просил выразить благодарность советскому правительству за «внимание и почет, оказанные нашему представителю»⁷⁸.

30 марта и митрополит Фиатирский Герман прислал Патриарху Алексию из Лондона письмо с выражением благодарности за свое присутствие на интронизации Первосвященителя, в котором отмечал: «Ваша Церковь наслаждается необходимой свободой и благожелательством со стороны советского правительства и может, таким образом, идти вперед, не боясь препятствий, к успешному выполнению своей великой миссии в русском народе»⁷⁹. Патриарх ответил митрополиту в начале мая поздравительной Пасхальной телеграммой. В июне 1945 г. владыка Герман встречался в Лондоне с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем).

Следует упомянуть, что после поездки в Болгарию архиепископ Григорий (Чуков) в своей докладной записке в Совет по делам Русской Православной Церкви от 24 апреля 1945 г. отмечал: «Болгарский экзарх митрополит Стефан совершенно доверительно сообщил мне., что в настоящий момент сложилась очень благоприятная для русских интересов обстановка в Константинополе. Афинское правительство, недовольное снятием схизмы Вселенским Патриархом с Болгарской Православной Церкви, сначала снизило отпускаемую им субсидию на содержание Константинопольского Патриархата (с 500 до 200 турецких лир в месяц на каждого епископа), а сейчас объявило, что совершенно прекращает ее. Это обстоятельство ставит Патриархат в очень тяжелое положение в материальном отношении. . . было бы полезно для укрепления русского влияния в Константинополе (и вообще в Турции), если бы Константинопольскому Патриархату была оказана из России материальная поддержка (примерно, по словам митрополита Стефана, тыс. в 20 турецких лир в месяц: по 1000 лир епископам – 12 тыс., и 8 тыс. – патриарху). Если бы это было принято и сделано быстро и в полном секрете, то можно было бы предупредить возможность подобного шага со стороны Англии, которая, если узнает, может воспользоваться этим обстоятельством для укрепления своего влияния там»⁸⁰.

Правда, по некоторым (впрочем, сомнительным) сведениям, Патриарх Вениамин уклонился от встречи с Патриархом Алексием, когда тот в мае – июне 1945 г. совершал поездку по странам Ближнего Востока⁸¹. В записке Г.Г. Карпова И.В. Сталину от 3 мая 1945 г. относительно планирования этой поездки сообщалось: «Поездка патриарха и делегации в Стамбул к Вселенскому Патриарху Вениамину не предусматривается, но имеется в виду вызвать Вениамина в Иерусалим по предложению четырех патриархов»⁸². Однако причина срыва намечавшейся встречи точно не известна.

Таким образом, в годы Второй мировой войны Константинопольская Патриархия сумела противостоять немецкому влиянию. Патриарх Вениамин I признал выборы Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского), и к концу войны связи Константинопольской и Русской Церквей не только возобновились, но и существенно укрепились.

⁷⁸ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. / Под ред. Н.А. Кривовой, отв. сост. Ю.Г. Орлова, сост. О.В. Лавинская, К.Г. Лященко. Т. 1. М., 2009. С. 56–57.

⁷⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 1, д. 26, л. 193.

⁸⁰ Там же, д. 16, л. 91–91 об.

⁸¹ Епископ Иероним. Современное положение Русской Церкви Заграницей. Б. м., 1946. С. 13.

⁸² Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. С. 403.

2. Элладская Православная Церковь

К началу Второй мировой войны существовавшая на территории Греции Элладская Православная Церковь (автокефальная с 1850 г.) являлась одной из крупнейших в православном мире. Она состояла из 79 епархий (митрополий), 8,5 тыс. священников, 270 монастырей с 6 тыс. насельников и объединяла около 6 млн верующих⁸³. В 1938–1941 гг. Элладскую Православную Церковь возглавлял известный иерарх и церковный ученый архиепископ Афинский и всей Эллады Хрисанф (Филиппидис).

При этом в Элладской Церкви не было внутреннего единства. 23 марта 1924 г. она приняла календарную реформу Константинопольского Патриарха Мелетия IV, согласно которой перешла на новоюлианский стиль: праздники пасхального цикла отмечались по старому юлианскому календарю, а неподвижные праздники – по григорианскому. Это вызвало протесты и активное сопротивление части священнослужителей и мирян. В 1926 г. возникло «Греческое религиозное общество истинно-православных христиан (ИПХ)», в 1935 г. полностью порвавшее связи с Элладской Церковью и Вселенским Православием, что фактически было заявлено в окружном послании Священного Синода ИПХ (Исповедании 1935 г.). В это время сторонников старого календаря в Греции было примерно 50–60 тыс. (в дальнейшем их число выросло). Так возникла Греческая Церковь истинно-православных христиан во главе со своим Синодом, однако уже вскоре в ней начались разделения. Кроме того, она подверглась гонениям со стороны властей. Так, в 1938 г. министр общественного порядка Греции издал приказ об аресте истинно-православных священников и опечатывании их храмов.

Вторая мировая война началась для Греции осенью 1940 г. В ночь на 28 октября ей был предъявлен ультиматум с требованием допустить в страну итальянские войска и предоставить в их распоряжение важнейшие военные базы. Ответом на ультиматум фашистской Италии стало твердое «Охи!» (Нет!). В связи с этим событием Элладская Православная Церковь впоследствии перенесла на 28 октября праздник Покрова Пресвятой Богородицы, который и в настоящее время отмечается в этот день.

28 октября итальянские войска вторглись на территорию Греции, но уже 7 ноября вторжение было остановлено, и затем в результате контрнаступления к февралю 1941 г. греческая армия не только изгнала захватчиков из своей страны, но и заняла Южную Албанию. Удивительная победа над более сильным агрессором была воспринята многими православными верующими как свидетельство покровительства Божией Матери. Некоторые греческие храмы серьезно пострадали от итальянских бомбардировок, в частности храм св. Софии XII в. в Салониках; погибли многие прихожане. В этой связи в конце 1940 г. Синод постановил, что колокола церквей должны звонить в случае появления вражеской авиации⁸⁴.

Элладская Православная Церковь стала одной из руководящих сил в оказании сопротивления агрессорам. Еще до начала войны секретарь Священного Синода и издатель официального печатного органа Синода «Екклесия» иеромонах Иероним (будущий Афинский архиепископ) разработал проект создания организации церковного содействия борющемуся народу и предложил его на усмотрение главе Церкви архиепископу Хрисанфу. Владыка поручил отцу Иерониму создание организации «Забота о воине», которая потом превратилась в Национальную организацию христианской солидарности, активно помогавшую греческой армии⁸⁵.

14 декабря 1940 г. архиепископ Хрисанф обратился с воззванием ко всем Поместным Православным Церквам с призывом поддержать Грецию в ее борьбе с напавшей на страну Ита-

⁸³ ВА, R 5101/23173. Вл. 36.

⁸⁴ Гласник. Београд. 1941. № 2. С. 46, № 7. С. 164–165.

⁸⁵ Скурлат К.Е. Указ. соч. Ч. 2. С. 80.

лией. Однако ответная реакция была не слишком активной, Румынская и Болгарская Церкви даже официально решили на этот призыв не отвечать, заявив, что они политическими вопросами не занимаются. В то же время архиепископ Кентерберийский еще 4 ноября отправил Владыке Хрисанфу послание с выражением поддержки: «От имени Церкви Великобритании я посылаю Вам, епископам, клиру и вашим верующим симпатии и ободрение. Я молюсь, чтобы Божия помощь сохранила свободу Греции...» В январе 1941 г. Архиепископы Кентерберийский и Йоркский отправили владыке Хрисанфу новые письма с выражением своей поддержки⁸⁶.

В конце марта 1941 г. преподаватели богословского факультета Афинского университета послали горячее приветствие Сербскому Патриарху Гавриилу в связи с совершением в Югославии успешного антигерманского государственного переворота. В этом послании выражалась радость, что в перевороте «так заметно участвует православное священство», и подчеркивалось: «богословский факультет горд, что он может своему бывшему ученику высказать искренние поздравления и пожелания осуществления югославянскому народу его национальных стремлений на благо человечества»⁸⁷. Следует отметить, что Патриарх Гавриил еще раньше отправил архиепископу Хрисанфу письмо с выражением поддержки Элладской Православной Церкви в связи с нападением Италии на Грецию⁸⁸.

6 апреля 1941 г. на помощь итальянцам пришла нацистская Германия. Премьер-министр А. Коризис (сменивший умершего в январе 1941 г. при странных обстоятельствах И. Метаксаса) получил ультиматум, однако, не дожидаясь ответа, немецкие войска с территории Болгарии нанесли удар в тыл основной части греческой армии и уже 9 апреля взяли Салоники. В этом городе 23 апреля генерал Георгиос Цолакоглу (Чолакоглу) подписал акт капитуляции греческой армии, 27 апреля немцы заняли столицу страны Афины, а через два дня и всю материковую Грецию. Первоиерарх Элладской Церкви архиепископ Хрисанф категорически отказался подписать акт о сдаче Афин, заявив: «Глава Церкви не сдает столицу своей родины иностранцам. Его первейшая обязанность – заботиться об ее освобождении»⁸⁹.

Греческий король Георг II и правительство во главе с премьер-министром

Э. Цудеросом улетели на остров Крит, а затем в являвшийся тогда протекторатом Великобритании Египет; здесь – в Каире они проживали до конца войны. 20 мая 1941 г. немцы высадили воздушные десанты на Крит, защищаемый в основном английскими войсками, и после упорных боев 1 июня овладели островом⁹⁰.

Захваченная агрессорами территория страны была разделена на несколько зон оккупации. Северо-Восточную Грецию (Эгейскую Фракию и Восточную Македонию) заняли болгарские войска, однако притязания Болгарии на г. Салоники и прилегающую область были отклонены немцами. Германия выразила формальное согласие с тем, что Греция относится к итальянской сфере влияния, но наиболее важные в стратегическом плане районы страны оккупировали немецкие войска: Афины, Салоники, порт Пирей, Вардарскую долину, опорные пункты на Крите, острова Лесбос, Хиос и т. д. Италия объявила своим протекторатом Ионические острова, кроме того, ее войска оккупировали основную часть материковой Греции и большинство островов в Эгейском море. Вопрос окончательного раздела страны был отложен до конца войны.

Режим оккупации Греции оказался довольно жестоким. При этом болгары открыто преследовали цели национальной ассимиляции населения и территориальной аннексии оккупи-

⁸⁶ ВА, R 5101/23175. Вл. 23, 28–30.

⁸⁷ *Маевский В.* Русские в Югославии в 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 256.

⁸⁸ *Радић Р* Држава и верске заједнице 1945–1970. Део 1: 1945–1953. Београд, 2002. С. 40.

⁸⁹ *Квашилин Ю.Д.* День «Охи» и вступление Греции во Вторую мировую войну // Россия и Греция: история и современность. М., 2008. С. 230–248; Греция. С. 387.

⁹⁰ См.: *Квашилин Ю.Д.* Сражение за Крит в мае 1941 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 102–120.

рованных ими зон Греции, нередко прибегая к репрессиям (до войны Элладская Церковь рассматривала болгар и македонцев на территории страны как ослабленных греков). Итальянцы также имели территориальные претензии к Греции, пытаясь проводить как идеологическое разделение, так и этнические чистки части греческого населения. В связи с этим они старались ограничить политическую и социальную деятельность Элладской Церкви в качестве национальной Церкви. В свою очередь болгарские власти вообще не хотели допустить существования Элладской Церкви в своей зоне оккупации, предпочитая ее ликвидацию там.

Германское правительство объявило, что после окончания войны его войска уйдут из страны и они сохранят заметную роль Греции в послевоенном устройстве Европы. Немецкие оккупационные власти первое время относились к греческой культуре (главным образом античной) с определенным уважением: она укладывалась в нацистскую идеологию, и за греками было признано право на существование в составе арийской расы. В своей оккупационной политике немцы пытались использовать идеологические и политические различия разных слоев населения, прежде всего антикоммунизм, который стал причиной конфронтации консервативно настроенных крестьян и части городского населения с левыми группами сопротивления⁹¹.

Под немецким контролем было образовано марионеточное греческое правительство в Афинах, имевшее свои охранные батальоны. В период оккупации существовало три таких правительства: с 29 апреля 1941 до ноября 1942 г. (с генералом Георгиосом Цолакоглу в качестве премьер-министра), с ноября 1942 до апреля 1943 г. (во главе с профессором Константиносом Логотето-роулосом) и с апреля 1943 до октября 1944 г. (с Иоаннисом Ралисом в качестве премьер-министра). Одновременно в Грецию был послан полномочный представитель Третьего рейха (имперский уполномоченный), которому принадлежала фактическая власть в стране. Командование немецких войск находилось в Салониках. Следует отметить, что немцы, в отличие от итальянцев и болгар, предоставили религиозным организациям определенную автономию и не оказывали существенного влияния на внутрицерковную жизнь, стремясь установить конструктивные отношения с руководством Элладской Церкви⁹².

В период 1940–1950 гг. чрезвычайно важное, порой определяющее значение для ситуации в Греции имела позиция Православной Церкви. В 1941–1944 гг. Элладская Церковь во всех зонах оккупации пробуждала национальные чувства и часто действовала в качестве выразителя социальной совести и общественного мнения. При этом политическое отношение к оккупантам ее иерархов колебалось от открытого сопротивления и отрицательной пассивности до прямого сотрудничества. Так, архиепископ Хрисанф считался выразителем интересов правого крыла политических сил страны, и прежде всего роялистов. Его рассмотрели в качестве представителя короля Георга II в оккупированной Греции и духовного руководителя сражавшихся антикоммунистических групп.

В то же самое время многие митрополиты были настроены против движения сопротивления и выступали за мирное сосуществование с немецкими оккупантами. На их взгляды влияли антикоммунизм и позиция некоторых политических деятелей, считавших «временное» присутствие немцев меньшей опасностью, чем захватнические планы итальянцев и болгар. Однако некоторые архиереи сотрудничали с левыми группами сопротивления. Участие же рядовых священнослужителей не только в политических, но и в военных левых группах сопротивления было еще большим. Этому способствовала достаточно гибкая религиозная политика руководителей этих групп на так называемых свободных землях, как правило, не вмешивавшихся во внутрицерковную жизнь.

⁹¹ См.: *Петрунина О.* Греческая нация и государство. М., 2010.

⁹² *Psallidas G.* Ecclesiastical Policy of the Occupying Forces in Greece and the Reactions of the Greek Orthodox Church to Its Implementation (1941–1944) // *Religion under Siege. II. Protestant, Orthodox and Muslim Communities in Occupied Europe (1939–1950)*. Leuven, 2007. P. 93.

Можно выделить четыре основные тенденции в отношении архиереев Элладской Церкви к оккупантам: 1. Активное, открытое и добровольное сотрудничество. 2. Принудительное повиновение и пассивное сотрудничество. 3. Отказ сотрудничать или скрытое сопротивление завоевателям и их греческим пособникам. 4. Открытый конфликт с оккупационной властью и содействие вооруженному сопротивлению. На формирование той или иной тенденции существенное влияние оказывала жесткость религиозной политики в той или иной зоне оккупации.

В результате политики дискриминации и ассимиляции около 150 тыс. греков бежали из болгарской в итальянскую и немецкую зоны оккупации. Однако и в этих зонах вывоз продовольственных ресурсов в Германию привел к тому, что зимой 1941–1942 гг. умерли от голода около 350 тыс. человек. В результате в стране быстро возникли и получили сильное распространение различные формы сопротивления захватчикам. Постепенно это движение стало одним из самых массовых в Европе.

На Крите с первых дней оккупации партизанскую войну начали отряды генерала Мандакаса. В сентябре 1941 г. при участии коммунистов и левых социалистов был создан Народно-освободительный фронт Греции (ЭАМ); по решению фронта и VIII пленума ЦК коммунистической партии 16 февраля 1942 г. появилась декларация о создании Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС), а в мае начал действовать первый отряд этой армии, во главе которой встал генерал Стефанос Сарафис. Кроме того, существовали возглавляемые полковником (позднее генералом) Н. Зервасом вооруженные формирования монархического Национально-демократического союза Греции (ЭДЕС), поддерживаемые королевским правительством в эмиграции и англичанами. Со временем они стали периодически сотрудничать с созданными греческим коллаборационистским правительством «батальонами безопасности» и вступили в открытый конфликт с ЭАМ в борьбе за власть.

В результате «актов возмездия» за действия партизан от рук оккупантов погибли 21 тыс. мирных жителей Греции. В целом оккупационные части не имели постоянного присутствия в Центральной Греции из-за гористого рельефа, и также из-за ограниченного стратегического интереса к этой территории. Здесь, в так называемых свободных зонах, ЭЛАС создала учреждения общественной администрации, которые действовали в качестве правительственной власти. В начале 1943 г. на некоторых освобожденных территориях был введен собственный свод законов – кодекс местного самоуправления и народных судов, получивший название «Кодекс Посейдона»⁹³.

Большое распространение среди греков получили различные предания о помощи Божией Матери в их борьбе с оккупантами. Первые подобные свидетельства относятся еще к зиме 1940–1941 г. Так, например, рассказывали, что в январе 1941 г. солдаты из батареи майора Петракича на Роденском хребте не знали, где находятся обстреливавшие их итальянские орудия, пока не увидели на небе видение Божией Матери прямо над местом вражеской батареи, которую тут же уничтожили. Еще одно видение Божией Матери греческим солдатам в это время было перед их успешной атакой на горные позиции итальянцев в Албании у г. Корица.

На Крите одно из местных преданий было связано с помощью главной святыни монастыря Превела области Ретимно – чудотворного золотого креста (с частицей Древа Господня) в эвакуации английских и части греческих войск с острова в конце мая 1941 г. На Корфу (Керкире) предания связывают спасение жителей острова во время бомбардировок с именем свт. Спиридона Тримифунтского.

Когда в 1944 г. немцы обстреливали и бомбили старинный монастырь Фанеромени на о. Саламине, они разрушили все, кроме восточной стены у часовни св. пророка Илии, в нише которой было изображение Божией Матери. После многократных неудачных попыток попасть

⁹³ *Кирьякидис ГД.* Греция во Второй мировой войне. М., 1967. С. 157–160; История национального Сопротивления в Греции 1940–1945. М., 1977. С. 89–91.

в нее, оккупанты так поразились, что восстановили разрушенную часовню. Подобным же образом Прусская икона Божией Матери спасла от уничтожения немцами в 1944 г. храм Прусского монастыря в горах Эвритании. В июне 1944 г. отряд немецких карателей, уже уничтоживший свыше 600 человек в с. Дистимо, двигался с целью уничтожить жителей городка Лимни на о. Эвбея, но их остановило видение руки, загородившей вход в городок, и внезапно раздавшийся голос: «Это место – Мое! Не приближайтесь сюда!» Отряд карателей ушел, а жители стали особенно торжественно отмечать ежегодный праздник спасшей их чудотворной иконы Божией Матери «Лимния»⁹⁴.

Особенную известность приобрела история, произошедшая в сентябре 1943 г. с жителями городка Орхоменос в Беотии. Они стали требовать сдачи оружия у солдат итальянского поста, однако те отказались и уведомили немцев, которые решили уничтожить городок вместе с жителями. 10 сентября полк карателей захватил в плен 600 горожан и повел их на расстрел. Неожиданно у древнего храма Успения Пресвятой Богородицы Скрипского монастыря на дороге перед колонной немецких танков встала величественная Женщина с поднятой вверх рукой, преградив им путь. Командир полка Хоффман узнал в женщине Святую Деву Марию, изображенную на Скрипской иконе Божией Матери, и приказал освободить всех пленников. С этого времени 10 сентября стало для местных жителей праздничным днем, а Хоффман почти ежегодно, вплоть до своей смерти, приезжал на этот праздник и дал денег на написание иконы с изображением чуда – явления Божией Матери у Скрипского монастыря⁹⁵. Подобные предания ярко свидетельствуют об отношении паствы Элладской Церкви к захватчикам.

Положение же самой Элладской Православной Церкви в годы войны оказалось довольно противоречивым. Значительная часть ее священнослужителей поддерживала освободительную борьбу своего народа после оккупации страны и подвергалась репрессиям. Так, например, два греческих церковных деятеля были отправлены в немецкий концлагерь Дахау (в Баварии). Один из них – будущий митрополит Димитриадский Дамаскин (Хатзопулос) в начале Второй мировой войны был полковым священником греческой армии, подвергался арестам со стороны итальянцев, а затем и немцев (выжив в Дахау, он в сане архимандрита входил в делегацию Элладской Церкви на состоявшихся в июле 1948 г. в Москве торжествах по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви)⁹⁶.

К лету 1942 г. в Афинах оказалось арестовано 30 православных священников, а в сентябре того же года гестапо арестовало Критского архиепископа. 20 апреля 1943 г. нацистами по обвинению в участии в греческом народно-освободительном движении был расстрелян священник Константин Ангелакис⁹⁷.

На Крите насельники монастыря св. Георгия Эпаносифа в селении Метаксохори (область Ираклиона) в мае 1941 г. предоставили часть обители под лазарет для раненых английских и греческих солдат, в то время она стала убежищем и для местных крестьян. В дальнейшем монахи активно помогали партизанам, несмотря на то что обитель была несколько раз разорена немцами. В другом критском монастыре – Животворящего Источника Видияни в северо-западной части плоскогорья Ласити в горах Дикти был расстрелян настоятель, а сама обитель сильно пострадала.

На полуострове Пелопоннес насельники монастыря Мега Спилео (Большая пещера, в котором хранится чудотворная икона Пресвятой Богородицы, по преданию, написанная апостолом Лукой) активно помогали местным партизанам, и в результате погибли в результате карательной акции нацистов. 13 декабря 1943 г., после убийства немецкого офицера, на холме

⁹⁴ Чудеса на дорогах войны. Сборник рассказов. М., 2004. С. 50–55, 62–66.

⁹⁵ Чудеса на дорогах войны. Сборник рассказов. М., 2004. С. 47–49.

⁹⁶ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Переписка с Афоном. Письма и документы. М. – Брюссель, 2012. С. 380.

⁹⁷ ВА, 62Di 1/85. Bl. 109; Ökumenischen Presse-Dienst. Juli 1942. № 28. S. 3; Эклисиастики алифия, 16. 12. 1977.

над ближайшим к монастырю г. Калаврита было расстреляно все мужское население городка старше 13 лет (1436 человек), а сама Калаврита сожжена. Все насельники обители Мега Спилио в возрасте от 16 до 84 лет в этот день были сброшены в пропасть и погибли. В настоящее время на холме построен мемориал жертвам «всесожжения», а на часах митрополичьего собора на главной площади Калавриты стрелки вечно показывают 2 часа 34 минуты – время начала казни⁹⁸. При этом сохранилось предание, что одному из немецких офицеров, который должен был участвовать в расстреле, по фамилии Курт накануне три ночи подряд являлся во сне св. Харлампий и говорил, что в случае отказа от участия в казни сам офицер и его семья останутся в живых. В результате Курт так и сделал, и уцелел, как и его семья в Германии, несмотря на жестокие бомбежки. Позднее бывший офицер вместе с семьей переехал в Грецию, принял православие и скончался в Калаврите в 1996 г.

В ноябре 1941 г. оккупантами был отстранен от своих постов секретарь Синода иеромонах Иероним, и вскоре оказались запрещены официальный печатный орган Священного Синода «Экклесия» и периодическое издание богословского факультета Афинского университета «Теология». Вместо них оккупационные власти в июле 1942 г. разрешили издание ежемесячного церковного листка «Движение Цое»⁹⁹. Богословский факультет в период оккупации продолжил свою работу; так, 1 января 1943 г. там завершили учебу и получили дипломы два стипендиата Священного Синода Сербской Православной Церкви¹⁰⁰.

Гонениям подверглись и некоторые греческие приходы за границей, прежде всего в Германии. Так, например, летом 1941 г. была закрыта греческая церковь Пресв. Троицы на Салваторплатц, д. 2 в Мюнхене. Здание храма являлось собственностью Баварского министерства просвещения и церковных дел, и 24 марта 1943 г. это ведомство обратилось с письмом к русскому приходу свт. Николая, предложив взять опечатанную церковь в свое пользование. В апреле с согласия греческой общины храм был передан мюнхенскому приходу Русской Православной Церкви Заграницей для удовлетворения духовных нужд всех православных жителей города, в том числе греков. 22 мая в Троицкой церкви состоялось первое русское богослужение, с 1944 г. в ней служил, в числе других членов причта, грек из России священник Арсений Григориас. Русский приход пользовался Троицким храмом до февраля 1946 г., когда ключи от него были переданы греческому архимандриту Мелетию (Галанопулу)¹⁰¹. Следует упомянуть также, что в нижнем храме свв. вмч. Екатерины и кн. Александра Невского русской церкви Архангела Михаила в Каннах была погребена гречанка Элен Вальяно, расстрелянная нацистами в этом городе в 1944 г.

Активно поддерживавший борьбу греческой армии с агрессорами архиепископ Хрисанф после ее поражения занял, по свидетельству греческого церковного историка И.Х. Константинодиса, «отважную позицию против немецких захватчиков и установленного ими правительства генерала Цолакоглу», отказавшись привести министров этого марионеточного правительства к присяге. Архиепископ бесстрашно ответил оккупантам: «Нет, отказываюсь их привести к присяге. Нет. Я приведу к присяге только то правительство, которое назначит греческий король. Нет, не подчинюсь. Если уступлю, что скажут Патриархи Константинопольский и Александрийский, король? Нет, отказываюсь»¹⁰².

⁹⁸ Греция: Аттика, Афины, Лутраки, Пелопоннес. Афины, 2012. С. 20–21.

⁹⁹ ВА, NS 15/629. Bl. 120.

¹⁰⁰ АА, Inland I-D, 4795.

¹⁰¹ Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене (АГЕ), д. Журнал протоколов заседаний приходского совета Свято-Николаевской церкви в г. Мюнхене. 4 марта 1944 – 26 ноября 1951 г., л. 21; *Зайде Г.* Кафедральный собор св. Николая в Мюнхене // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. 1991. № 3. С. 24.

¹⁰² *Селищев Н.Ю.* Православное понимание политической власти // Православная Русь. 2004. № 10. С. 7.

Это заявление оскорбило премьер-министра первого коллаборационистского правительства г. Цолакоглу. За отказ сотрудничать с ним 2 июля 1941 г. владыка Хрисанф под давлением немцев был низложен, и архиепископом Афинским и всей Эллады вскоре стал бывший Коринфский митрополит Дамаскин (Папандреу), пользовавшийся определенным авторитетом и уважением верующих. В мае 1941 г. он освободился из ссылки в Мегаре. Архиерейский Собор Элладской Церкви 5 июля объявил выборы архиепископа Хрисанфа недействительными, его предстояние незаконным и официально возвел на архиепископский престол владыку Дамаскина. На следующий день состоялась его интронизация¹⁰³.

Полномочный представитель Третьего рейха в Греции фон Граевенитц (которого вскоре сменил на этом посту Г. Альтенбург), выразил согласие греческому оккупационному правительству на удаление архиепископа Хрисанфа и возведение на престол архиепископа Дамаскина¹⁰⁴. Следует упомянуть, что духовенство немецкой евангелистской церкви в Афинах было против замены архиепископа, вероятно потому, что владыка Дамаскин поддерживал хорошие отношения с католическими прелатами (среди них выделялся папский нунций в Греции Анжело Ронкалли, позже ставший римским папой Иоанном XXIII)¹⁰⁵.

Фон Граевенитц позднее объяснял замену архиепископа попыткой правительства г. Цолакоглу устранить из общественной жизни все последствия правления довоенного проанглийского режима И. Метаксаса. Немецкое одобрение данной акции означало признание того, что архиепископ Хрисанф и его ближайшие помощники являлись сторонниками этого режима. Смена Первоиерарха была представлена в качестве акта «чистки» англофильских элементов в греческом церковном руководстве¹⁰⁶.

По мнению современного греческого историка Григориоса Псаллидаса, сохранение во главе Элладской Церкви архиепископа Хрисанфа, вероятно, привело бы к отношениям между этой Церковью и оккупационными властями, подобным тем, которые нанесли тяжелый урон Сербской Православной Церкви в 1941–1944 гг. Смена Афинского архиепископа предотвратила такое развитие событий. В то же время германским властям удалось разрешить вопрос замены Первоиерарха с выгодой для себя: с июля 1941 г. в Элладской Церкви было несколько архиереев, которые участвовали в смещении владыки Хрисанфа, и это побуждало их к пассивному сотрудничеству с завоевателями¹⁰⁷.

Немецкие оккупационные власти, согласно докладу Г. Альтенбурга в МИД от 10 июля 1941 г., полагали, что замена Афинского архиепископа имела политический характер, и после проведения этой акции «в текущей ситуации в Греции, так как королевская власть в качестве национального фактора объединения отсутствует, а слабое правительство не имеет свободы действия из-за полной оккупации страны, значение Православной Церкви выросло». При этом архиепископ Дамаскин расценивался как более сильный «вождь», чем Владыка Хрисанф. Имперский уполномоченный отмечал, что итальянцы первоначально пытались воспрепятствовать новым выборам и поэтому объявили сбор архиереев из различных частей страны нецелесообразным, однако германские власти указали им на необходимость перевыборов, и итальянцы уступили. Несмотря на сильнейшее давление правительства Цолакоглу и популярность Владыки Дамаскина, за его избрание Афинским архиепископом проголосовало 37 архиереев, а против – 30¹⁰⁸.

¹⁰³ Церковное обозрение. 1941. № 4–6. С. 7; Дамаскин (Папандреу), архиеп. С. 687–688.

¹⁰⁴ ВА, R5101, Bl. 40–41.

¹⁰⁵ Hebblethwaite P. Opt. cip. P. 224–225.

¹⁰⁶ Psallidas G. Opt. cip. P. 108.

¹⁰⁷ Ibid., P 108–109.

¹⁰⁸ ВА, R 5101/23175. Bl. 38–40.

В период 1940–1950 гг. чрезвычайно важное, порой определяющее значение для ситуации в Греции имела позиция Православной Церкви. В 1941–1944 гг. Элладская Церковь во всех зонах оккупации пробуждала национальные чувства и часто действовала в качестве выразителя социальной совести и общественного мнения. При этом политическое отношение к оккупантам ее иерархов колебалось от открытого сопротивления и отрицательной пассивности до прямого сотрудничества. Так, архиепископ Хрисанф считался выразителем интересов правого крыла политических сил страны, и прежде всего роялистов. Его рассмотрели в качестве представителя короля Георга II в оккупированной Греции и духовного руководителя сражавшихся антикоммунистических групп.

В то же самое время многие митрополиты были настроены против движения Сопротивления и выступали за сосуществование с немецкими оккупантами. Их взгляды отражали антикоммунизм и позицию некоторых политических деятелей, считавших «временное» присутствие немцев меньшей опасностью, чем захватнические планы итальянцев и болгар. Однако некоторые архиереи сотрудничали с левыми группами Сопротивления. Участие же рядовых священнослужителей не только в политических, но и в военных левых группах Сопротивления было еще большим.

Это заявление оскорбило премьер-министра первого коллаборационистского правительства г. Цолакоглу. За отказ сотрудничать с ним 2 июля 1941 г. владыка Хрисанф был под давлением немцев низложен, и архиепископом Афинским и всей Эллады вскоре стал бывший Коринфский митрополит Дамаскин (Папандреу), пользовавшийся определенным авторитетом и уважением верующих. В мае 1941 г. он освободился из ссылки в Мегаре. Архиерейский Собор Элладской Церкви 5 июля объявил выборы архиепископа Хрисанфа недействительными, его предстояние незаконным и официально возвел на архиепископский престол владыку Дамаскина. На следующий день состоялась его интронизация.

В целом к осени 1941 г. Третий рейх смог в определенной степени включить Элладскую Церковь в сферу своего влияния. В первые два года оккупации архиепископ Дамаскин и другие руководители Церкви полагали, что поведение немецких властей по отношению к ней «было набожным и дискретным», так как верующим разрешили свободно исповедовать веру, греческий характер храмов уважался и духовенству не препятствовали в осуществлении его обязанностей. Относительно хорошие отношения между церковным руководством и немецкими оккупационными чиновниками в Афинах во многом объяснялись ограниченным интересом германского правительства к Греции и ее Православной Церкви¹⁰⁹.

Немецкие цели в отношении Православных Церквей на Балканах во время Второй мировой войны были направлены прежде всего на ограничение их влияния в качестве национальных Церквей и использование их для своих интересов. Германские оккупационные власти пытались достичь этих целей главным образом путем подавления антинемецких внутренних тенденций и внешних влияний (англо-американского и советского). В этой связи Министерство иностранных дел попыталось сформулировать новые принципы политики, согласно которым немецкие оккупационные силы должны были проявлять терпимость к Православным Церквям Юго-Восточной Европы¹¹⁰. Желая сблизиться с Православными Церквями на Балканах, германский МИД первоначально использовал услуги Немецкой Евангелистской Церкви, в особенности ее консисторского советника по делам иностранных конфессий Евгения (Ойгена) Герстенмайера.

В сентябре 1941 г. Герстенмайер посетил союзные немцам и оккупированные страны Балкан. Цель его миссии состояла в том, чтобы установить отношения с религиозными лиде-

¹⁰⁹ AA, Inland I-D.

¹¹⁰ *Ristovic M.* Treci Raih i pravoslavne crkve na Balkanu u Drugom svetskom ratu // *Dijalog Povjesnic-ara-Istoricara*, ed. H.-G. Fleck and I. Graovac. Zagreb, 2000. S. 568.

рами этих стран и привлечь молодых православных богословов на учебу в Третий рейх. В это время Немецкая Евангелистская Церковь выдвигала идею учредить православное отделение в одном из университетов Германии. По итогам поездки Е. Герстенмайер 24 сентября 1941 г. написал для своего отдела отчет «Православные национальные Церкви в Юго-Восточной Европе», в котором представил всестороннюю картину ситуации в Церквях Сербии, Болгарии, Греции и Румынии. В отчете выражалось беспокойство, что в славянском православии на Балканах развиваются интенсивные панславистские тенденции, и предлагалось использовать национальные Церкви этого региона в борьбе против коммунизма¹¹¹.

Во время своего пребывания в Афинах 12–16 сентября Герстенмайер несколько раз встречался с владыкой Дамаскиным для обсуждения различных проблем, «не оставив архиепископу сомнений в том, что наш [германский] взгляд направлен на Экуменический Константинопольский Патриархат и с этим на все Православие»¹¹².

По вопросу ликвидации болгарской схизмы (признания самовольного провозглашения Болгарской Церковью автокефалии) владыка Дамаскин заявил, что это дело всего Православия, и его должен решить Константинопольский Патриарх с участием всех Православных Церквей. У Герстенмайера сложилось впечатление, что Элладская Церковь не хочет вступить за болгарское православие, наоборот, архиепископ Дамаскин выразил желание, чтобы Германия высказалась против притеснения греческого православия болгарскими архиереями (в северо-восточной Греции). В соответствии с достигнутой в сентябре договоренностью в декабре 1941 г. четыре молодых греческих священника приехали в Третий рейх в качестве стипендиатов научного фонда¹¹³.

Однако нацистское руководство, в конце концов, сочло нежелательным использование Немецкой Евангелистской Церкви в религиозной политике германских оккупационных властей. Таким образом, разработка Православных Церквей в оккупированных странах Юго-Восточной Европы была возложена на органы немецкой Тайной полиции и СД. Это ведомство выбрало политику разделения, настраивая одну Православную Церковь против другой (эта политика уже была проверена на практике в Польше и на оккупированной территории СССР). Помимо этого, немецкая религиозная политика в Юго-Восточной Европе преследовала следующие цели: 1. Нейтрализация русского и впоследствии (с 1943 г.) советского влияния на Православные Церкви Балкан. 2. Сдерживание проникновения Римско-Католической Церкви в этот регион. 3. Ликвидация английского влияния на православных иерархов.

Чтобы воспрепятствовать распространению русофильских тенденций среди православных верующих в Юго-Восточной Европе, немцы попытались найти поддержку в странах, которые по историческим и культурным причинам не были склонны к панславизму. Прежде всего это касалось Православной Церкви союзных стран оси Румынии. Напротив, ситуация в союзной Болгарии не внушала доверия руководителям немецкой религиозной политики в Юго-Восточной Европе, которые небезосновательно связали распространение панславизма среди болгарских иерархов с ростом пророссийских симпатий¹¹⁴.

В стремлении предотвратить проникновение католицизма на Балканы немецкие оккупационные власти попытались достичь договоренности или даже сотрудничества с Православными Церквями Сербии и Греции. Перед войной в Греции было всего лишь 55 тыс. католиков, объединенных в шесть епархий¹¹⁵. По мнению немцев, доминирование Православной Церкви Греции в своей стране можно было использовать для оказания давления на другие Право-

¹¹¹ AA, Inland I-D.

¹¹² BA, R 901/69301. Bl. 10, R 901/69300, Bl. 72.

¹¹³ Ebd., R 5101/23175. Bl. 57.

¹¹⁴ Psallidas G. Opt. cip. P. 105; AA, Inland I-D.

¹¹⁵ Aus der orthodoxen Welt. Griechenland // Das Evangelische Deutschland: Kirchliche Rundschau. № 50 (8.12.1940). S. 303.

славные Церкви Балкан в плане усиления их враждебного отношения к католицизму. Первая возможность проявить это давление представилась зимой 1941–1942 гг., когда Ватикан хотел помочь решению проблемы голода, возникшего в оккупированной Греции. Однако улучшение отношений между православием и Ватиканом в свете немецкой религиозной политики в Юго-Восточной Европе было, по меньшей мере, нежелательным. Поэтому оккупационные власти потребовали, чтобы посреднические усилия Ватиканом были прекращены.

В ходе упомянутых встреч Е. Герстенмайера и архиепископа Дамаскина в сентябре 1941 г. обсуждалась и высказанная Греческим Синодом Ватикану просьба помочь в освобождении задержанной англичанами в Александрии (Египет) крупной партии пшеницы, предназначенной для голодающих в Греции. С немецкой стороны было предложено отказаться от этих просьб, а действовать официальным путем церковной дипломатии – через Константинопольский Патриархат и его экзарха в Лондоне, оказав по возможности более сильное моральное давление на Англиканскую Церковь в целом или персонально на Архиепископа Кентерберийского. Несмотря на срочную необходимость продовольствия и положительный ответ Ватикана о готовности ходатайствовать перед правительствами США и Великобритании, архиепископ Дамаскин был вынужден ответить согласием на предложение Герстенмайера и прекратить все связи с представителями Католической Церкви¹¹⁶.

Если у Сербской Церкви имелись очень серьезные основания для конфликта с Ватиканом из-за ситуации в Хорватии, у греческого церковного руководства не было подобных причин. Благоприятный климат, существовавший в годы Второй мировой войны в отношениях Элладской Церкви с Ватиканом, стал причиной появления в греческой прессе за месяц до изгнания немецких войск из Афин в сентябре 1944 г. сообщения о предложении папы Пия XII заключить союз Римско-Католической и Православной Церквей¹¹⁷.

Немецко-английская конкуренция была еще одним фактором, который влиял на формирование немецкой религиозной политики в Балканах. В странах Юго-Восточной Европы Берлин считал руководство Сербской Церкви наиболее проанглийским, однако в определенной степени и греческое церковное руководство воспринималось так же при архиепископе Хрисанфе, прежде чем он был заменен на архиепископа Дамаскина.

Владыка Дамаскин в упоминавшемся сообщении Е. Герстенмайера от 24 сентября 1941 г. был назван «другом Германии», так же как и Н. Лоуварис – профессор богословия в Афинском университете и министр религии в последнем оккупационном правительстве. Лоуварис представлялся немцам гарантом, по крайней мере, невраждебной позиции Элладской Церкви в отношении оккупационных войск, так как он имел существенное влияние на Архиепископа Дамаскина, играя заметную роль в системе политической власти Греции. Однако, несмотря на неоднократные обращения и требования оккупационных правительств, Священный Синод, за исключением некоторых его членов, не согласился поддержать антикоммунистическую борьбу немецких оккупационных сил в Греции¹¹⁸. Хотя антикоммунизм соответствовал убеждениям большинства греческих иерархов, очень немногие архиереи выступили с антикоммунистическими заявлениями, даже меньше, чем высказались открыто в поддержку оккупационных сил.

Демонстрацией признания германскими властями особого положения Элладской Церкви в обществе должно было стать планируемое назначение в Грецию особого немецкого уполномоченного для церковных дел (хотя в конечном счете это так и не состоялось). Уже 2 августа 1941 г. полномочный представитель Третьего рейха в Греции Гюнтер Альтенбург попросил МИД прислать одного или двух экспертов в церковных делах, ссылаясь на то, что немецкие власти в стране должны срочно восстановить «хорошие отношения, с Православной Церковью».

¹¹⁶ AA, Inland I-D.

¹¹⁷ *Hebblethwaite P. John XXIII: Pope of the Council*. London, 1997. P. 224–225.

¹¹⁸ Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church (HAHS), Records of the Holy Synod (RoHS), 23.03.1943.

Альтенбург полагал, что эта срочная потребность возникла в результате действия нескольких факторов: замены Афинского архиепископа, изгнания болгарскими греческого духовенства из Восточной Македонии и Западной Фракии, проблем Святой Горы Афон и растущей враждебности греческого населения к немецким оккупационным властям, связанной с подъемом его национальных чувств¹¹⁹.

Основные принципы религиозной политики немецких властей были непосредственно связаны с их стратегией в отношении политического режима в оккупированной Греции. Германское руководство считало, что оккупационное правительство в Афинах должно прежде всего обеспечивать функционирование военных коммуникаций, а его премьер-министр лишь получать и исполнять инструкции из Берлина. Напротив, посольство Германии и имперский уполномоченный Г. Альтенбург пытались предоставить, если это не угрожало немецким интересам, определенную автономию оккупационным правительствам.

В конце войны и Г. Альтенбург и его преемник Герман Нейбахер сообщали, что архиепископ Дамаскин был самым влиятельным человеком, которого они когда-либо встречали в оккупированной Греции¹²⁰. Владыке удалось обеспечить поддержку немецких оккупационных сил, хотя они и полагали, что к концу оккупации этот архиерей вступил в контакт с силами Сопротивления. Независимо от того, было ли укрепление позиций архиепископа результатом его собственных усилий или сознательного политического выбора немецких властей, несомненно, что церковное руководство до ноября 1943 г. работало в рамках своеобразной системы двоевластия – в качестве второго полюса политической власти, наряду с оккупационным правительством в Афинах. Цель церковного руководства, согласно обращению Синода от 14 октября 1943 г., заключалась в том, чтобы «следя за ходом событий... координировать деятельность всех национальных сил и классов в греческом обществе и вести их для служения... нации»¹²¹.

Немецким политическим властям в Греции оказалось легче вести дела с руководством Элладской Церкви, чем с первыми двумя оккупационными правительствами в Афинах. Так как законное греческое руководство находилось в изгнании, назначенное захватчиками марионеточное правительство было неспособно успешно играть роль посредника между оккупантами и местным населением. В течение первых двух с половиной лет оккупации (до ноября 1943 г.) немецкие власти пытались заполнить этот вакуум, включив церковное руководство в систему политической власти. Для достижения этой цели оккупационному правительству фактически официально пришлось передать ответственность за социальную политику государства Церкви.

Позитивное сотрудничество между немецкими политическими властями в Греции (фон Граевенитцем, Альтенбургом, Нейбахером) и архиепископом и взаимное подозрение и даже плохие отношения владыки Дамаскина с начальниками вооруженных сил (Г. Фельми, А. Андрае, фон Клемом) были следствием явной и временами провокационной причастности греческого церковного руководства к внутренней конкуренции различных немецких органов власти. В этом заключалась одна из причин того, почему немецкие политические власти предоставили греческому Первоиерарху некоторые преференции и значительную свободу действий.

Таким образом, при содействии немцев традиционно значительная роль Элладской Церкви в политической системе греческого государства еще больше увеличилась. Это не только заполняло вакуум в отношениях между населением страны и немецкими властями, но и, вследствие отсутствия законного государственного руководства, именно Церковь предоставляла оккупационному режиму определенную политическую легитимность.

Формирование оккупационных правительств в Афинах происходило по немецкой инициативе и без согласия их союзников. При этом одно время существовали планы назна-

¹¹⁹ BA, R5101/23175.

¹²⁰ *Neubacher H. Sonderauftrag Südost, 1940–1945: Bericht eines fliegenden Diplomaten. Göttingen, 1956. S. 99.*

¹²¹ HANS, RoHS, 14.10.1943.

чить премьер-министром кого-либо из православных архиереев, что встречало положительную реакцию у многих священнослужителей. В качестве кандидатов рассматривались оба Афинских архиепископа – Хрисанф и Дамаскин, а также митрополит (позднее архиепископ) Спиридон. Немецкий посол в Афинах Виктор Эрбах-Шёнберг предложил в апреле 1941 г. сформировать первое оккупационное правительство по инициативе Церкви, но получил отказ со стороны владыки Хрисанфа. Желание архиепископа Дамаскина стать премьер-министром третьего оккупационного правительства в апреле 1943 г. подтверждал в конце войны Г. Альтенбург (этого назначения не произошло)¹²².

С оккупантами сотрудничали и несколько других православных архиереев, прежде всего в Южной Македонии. Не случайно второй богословский факультет в Греции был открыт в 1942 г. в университете г. Салоники. 20 апреля 1943 г. в салоницкой газете «*Neue Europa*» («Новая Европа») были опубликованы антикоммунистические и прогерманские заявления пяти греческих митрополитов. Один из них – Салоницкий митрополит Геннадий писал: «Греческая Церковь с самого начала ощущает большое волнение из-за преследования большевизмом веры и Церкви. Мы не сомневаемся, что греки вполне понимают опасность, которая нам угрожает со стороны большевизма, и что они восстанут против его антихристианских и антинациональных теорий и дел, направленных против нашего социального порядка». Митрополит Флоринский Василий указал на опасность, которая угрожает христианским религиям и всем цивилизованным народам со стороны большевизма: «К счастью, нападение, которое большевики готовили 25 лет на цивилизованную Европу, будет отбито титанической борьбой Германии. За это цивилизованное человечество обязано Вождю Великого Рейха и храброй Германской армии глубокой благодарностью»¹²³.

Митрополит Сереский Нигрита отметил, что большевизм является возвращением к хаосу. Митрополит Халкидский Иринеи в свою очередь указал, что борьба германского рейха против большевизма освободит Церковь в советской России, так как большевизм и масонская плутократия являются источниками разнообразных махинаций и лжи, кровопролития и разорения, от которых сейчас страдает человечество: «Мы желаем полного успеха немецкому оружию». Наконец, митрополит Олимпийский заявил: «Все цивилизованное человечество с волнением и болью следит за страшным гонением веры, за неслыханным азиатским варварством в отношении к христианской и другим религиям в советской России. В связи с этим гонением уничтожено много религиозно-художественных памятников византийско-христианской культуры, а жертв большевистского варварства насчитывается несколько миллионов. Эти явления вызвали большинство цивилизованных наций на самооборону и принудили их занять определенное положение в отношении этого феномена».

В Великую Пятницу, накануне Пасхи 1943 г., Салоницкий митрополит Геннадий в своей проповеди выразил немцам глубокую благодарность за их отношение к грекам и призвал свою паству помолиться вместе с ним «за всех тех, кто сейчас стоит на Восточном фронте с оружием в руках в борьбе против безбожного большевизма, и этим дает возможность греческому народу исповедовать свою христианскую веру и спокойно праздновать великий греческий праздник»¹²⁴.

Такая позиция ряда митрополитов Северо-Восточной Греции во многом объяснялась их надеждой с помощью немцев смягчить религиозную политику болгарских оккупационных властей.

Согласно соглашению от 24 апреля 1941 г., Восточная Македония и Западная (Беломорская, Эгейская) Фракия с прилегавшими островами Тасос и Самотраки – за исключением

¹²² *Psallidas G.* *Opt. cip.* P. 111.

¹²³ Церковное обозрение. 1943. № 6. С. 8.

¹²⁴ Церковное обозрение. 1943. № 6. С. 8.

греко-турецкой пограничной области в Эвросе – перешли под болгарскую юрисдикцию (большая часть этих территорий принадлежала Болгарии до ее поражения в годы Первой мировой войны). Однако Германия не признала все болгарские претензии, в частности, на Салоники и прилегающую область (там проживали 15–20 тыс. болгар и македонцев). Правда, вследствие постепенного ослабления Италии значение Болгарии в немецких планах со временем выросло. Так, в начале июля 1943 г. болгарские войска под немецким командованием оккупировали Центральную Македонию (за исключением г. Салоники и Святой Горы Афон), где оставались до сентября 1944 г.

В Восточной Македонии и Западной Фракии было организовано болгарское военное, гражданское и духовное управление, однако окончательное определение юридического статуса этих территорий было отложено до конца войны. Создание новых органов власти обусловило болгаризацию социальных, религиозных, образовательных и экономических учреждений в оккупированной области. Церкви и школы были болгаризованы или закрыты, греческое духовенство и учителя преследовались, греческий язык отменили в качестве официального. Как отмечалось в докладе Священного Синода Элладской Церкви от 18 марта 1943 г., в Северо-Восточной Греции были введены продовольственная карточная система и пропуска, требуемые для профессиональной деятельности, которые выдавались после перехода в болгарское гражданство, и преобразования имен и фамилий в болгарские (при участии Болгарской Православной Церкви). Кроме того, к весне 1943 г. в Восточную Македонию и Западную Фракию переселили около 122 тыс. болгар (в основном крестьян из центральных районов Болгарии)¹²⁵.

При этом определенная часть греческого духовенства, в том числе архиереев, первоначально безрезультатно попыталась приспособиться к новым обстоятельствам в их епархиях. Отказ со стороны оккупационных болгарских властей принять предложение о сотрудничестве с руководством местных греческих епархий был явным признаком того, что они хотели его удаления или полного подавления. Болгарские власти стремились проводить жесткую религиозную политику в Северо-Восточной Греции, полностью соответствовавшую планам этнической чистки в этой области.

Согласно плану удаления греческого духовенства из Восточной Македонии и Западной Фракии, сначала – в апреле – июне 1941 г. оттуда были высланы все епархиальные архиереи (шесть митрополитов), в большинстве случаев без эксцессов. Напротив, изгнание части приходского духовенства сопровождалось физическим насилием и плохим обращением. Согласно опубликованным в 1950 г. данным, болгарские оккупационные власти несли ответственность за 95,7 % случаев нанесения ущерба греческим священникам и за 61,1 % случаев убийства священнослужителей в Северной Греции. Остальная, значительно меньшая, часть соответствующих фактов была совершена немецкими и итальянскими властями¹²⁶.

Священный Синод Болгарской Церкви считал, что в отношении занятых территорий она лишь восстанавливает историческую справедливость, возвращая себе то, что принадлежало ей до 1913 г. Однако существенная разница между реальной ситуацией и желанием восстановить свою юрисдикцию на всех занятых территориях препятствовала попыткам Болгарской Церкви проводить там последовательную единообразную политику.

Первый вариант проекта духовной администрации на занятых греческих территориях был принят на чрезвычайном заседании сокращенного состава Синода 25 апреля 1941 г. Он предполагал восстановление существовавшей до 1913 г. структуры Болгарского экзархата – воссоздание четырех епархий: Маронийской (с включением двух городов – Суфлион и Фере, оккупированных немцами), Струмичско-Сереской, Солунской (Салоникской) и Одринской (Эдирненской, Андрианопольской). Это была своего рода программа-максимум, направлен-

¹²⁵ Psallidas G. *Opt. cip.* P 97; NAHS, RoHS, 18. 03.1943.

¹²⁶ Psallidas G. *Opt. cip.* P. 98–99.

ная на распространение юрисдикции Болгарской Церкви на все болгарское население Южных Балкан, в том числе на территориях, оккупированных немецкими войсками, и даже в Турции. При этом предписывалось всем болгарским священнослужителям, когда-то эмигрировавшим из Греции, вернуться в свои епархии, а на остальные приходы предполагалось назначить новых священников¹²⁷.

Первоначальный проект был представлен на отзыв премьер-министру и в Министерство иностранных и религиозных дел и после критической оценки переработан Синодом. В результате в соответствии с его решением от 2930 апреля в во второй половине мая – начале июня 1941 г. в Западной Фракии и Восточной Македонии были созданы две епархии: Маронийская (временное управление которой поручили митрополиту Пловдивскому Кириллу, назначив ему в помощь викарного епископа Нишавского Илариона) и Струмичско-Драмская (под управлением митрополита Неврокопского Бориса), Оккупированная немцами Салоникская, а тем более Эдирненская епархии образованы не были.

Однако и в две новоучрежденные епархии вошли некоторые захваченные немецкими войсками территории, что создавало большие сложности; на этих территориях болгарская духовная администрация не могла полноценно функционировать. Принимая второй вариант проекта учреждения духовной администрации, Синод оговорил возможность после стабилизации ситуации в Македонии и Западной Фракии вернуться к данному вопросу и окончательно урегулировать проблему. Правда, этого не произошло, учрежденная летом 1941 г. временная духовная администрация в основном сохранялась вплоть до осени 1944 г.¹²⁸

Священный Синод сразу же решил принять меры для пополнения духовенства на занятых территориях Греции и Югославии, первоначально он рассчитывал командировать туда 200 священников и канцелярских чиновников из Болгарии, а также использовать 500 местных священников (преимущественно македонцев), которые остались окормлять свои приходы. Расходы на устройство новых епархий были определены в 500 тыс. левов, которые предполагалось получить от государства¹²⁹.

12-16 июня 1941 г. Синод заслушал доклады управляющих новыми епархиями и назначил специальную комиссию из четырех митрополитов для рассмотрения поднятых вопросов, которая вскоре представила доклад «О церковном устройстве и управлении епархиями в новоосвобожденных землях». Его основная идея заключалась в том, что эти епархии станут неотъемлемой частью Болгарской Церкви, и их устройство и управление должно осуществляться на основе устава экзархата¹³⁰.

Значительное место в докладе занимал вопрос об интеграции греческого духовенства в Болгарскую Церковь. В этой связи предлагалось приравнять оставшихся на службе в приходах священников новых земель с духовенством «в старых приделах», с тем чтобы они также получали зарплату от болгарского правительства. Освобождаемые от службы, вследствие сокращения числа приходов, священники должны были получать от государства месячные пособия или однократную помощь. Допускались они и в духовные советы (в советы Маронийской и Струмичско-Драмской епархий были назначены по одному члену – греку). В целом в докладе проводилась идея приравнять греческое духовенство в правах к болгарскому. Текст этого документа отличался толерантным духом и хорошо обдуманскими мерами, нацеленными на исключение

¹²⁷ Централен държавен архив – София (ЦДА), ф. 791 к, оп. 1, е. х. 66, л. 174–176; ВА, R5101/23177, Вл. 71.

¹²⁸ ВА, R5101/23177, Вл. 131; *Стоянова В.* Църковно-административната уредба на Македония и Тракия и изборът на патриарх на Българската православна църква // Минало. София. 1994. № 4. С. 55–65.

¹²⁹ *Елджеров С.* Православието на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2004. С. 245.

¹³⁰ ЦДА, ф. 1318к, оп. 1, е. х. 2264, л. 1–6.

всяких поводов для конфликтов. Однако его реализация на практике столкнулась с большими препятствиями¹³¹.

На территории возглавляемой митрополитом Кириллом Маронийской епархии ранее находились три греческие епархии: Ксантийская, Камотинская (Гюмюрджинская) и Александрополиская (Дедеагачская). Когда владыка Кирилл принял управление епархией, в ней еще оставались два греческих митрополита: Александрополиский Мелетий и Комотинский Василий. Оба они находились на свободе до своего отъезда в немецкую зону оккупации – митрополит Мелетий уехал в начале июня, а митрополит Василий – в начале июля 1941 г. Вместе с ними уехали 28 греческих священников. В результате в епархии оказалось 187 приходов со 182 священниками (по национальности все были греками). Димотишский округ (вблизи греко-турецкой границы) остался под управлением немецкой военной администрации, поэтому Болгарская Церковь не предпринимала попыток установить свою юрисдикцию над греческой Димотишской епархией¹³².

Приехав 30 мая в Западную Фракию, митрополит Кирилл устроил свою резиденцию в г. Ксанти, где сформировал Временный Епархиальный духовный совет из командированных болгарских священников и одного грека. Епархия была разделена на три духовных округа: Ксантийский, Александрополиский и Комотинский, общая численность православных верующих в которых составляла 121,9 тыс. человек. В Александрополис и Комотины были назначены архиерейские заместители – болгары, а на острова Тасос и Самотраки – по одному болгарскому священнику. Подавляющее большинство приходов Маронийской епархии остались окормлять прежние греческие священники¹³³.

Значительно большая по территории и населению Струмичско-Драмская епархия была образована из двух частей: македонской (входившей до войны в состав Югославии) и греческой, ситуация в которых очень отличалась. Митрополит Борис первоначально устроил свою резиденцию в македонском городе Струмица. В греческой части ранее существовало шесть епархий с центрами в городах: Сера, Драма, Кавала, Демирхисар, Зирнево и Зиляхово. Вместо них митрополит Борис создал четыре духовных округа с центрами в Сера, Драмe, Кавале и Правище, в которые назначил болгарских архиерейских заместителей из состава клира своей Неврокопской епархии, расположенной в соседних районах Болгарии. В этой части Струмичско-Драмской епархии было 350 греческих приходов и лишь три болгарских, что полностью отражало этнический состав региона. Естественно, что подавляющее большинство прихожан встретили впервые приехавшего в Западную Фракию 13–14 мая 1941 г. митрополита Бориса без всякой радости и энтузиазма (в отличие от македонской части епархии). Тем не менее митрополит оставил в полностью греческих селах прежних священников, предоставив им полную свободу служить на греческом языке¹³⁴.

В своем докладе Синоду об итогах первой поездки владыка Борис отмечал, что «греческое население настроено враждебно ко всему болгарскому». Никого из шести прежних греческих митрополитов он уже не застал – все уехали или были высланы, хотя Сереский митрополит издал окружное послание духовенству своей епархии с указанием помянуть болгарского царя и царский дом. Правда, на своих местах еще оставались некоторые греческие протосингелы и архиерейские заместители (вскоре их заменили болгарскими)¹³⁵

¹³¹ ЦДА, ф. 1318к, оп. 1, е. х. 2264, л. 1–6; *Елджеров С.* Указ. соч. С. 252–253.

¹³² ЦДА, ф. 791 к, оп. 1, е. х. 67, л. 83–92.

¹³³ *Елджеров С.* Указ. соч. С. 249, 254.

¹³⁴ *Там же.* С. 249–250; ЦДА, ф. 791 к, оп. 1, е. х. 67, л. 71–81, оп. 2, е. х. 208, л. 12–18.

¹³⁵ ЦДА, ф. 791 к, оп. 1, е. х. 67, л. 71–78.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.